

ТАМАРА БОРИСОВНА
КАРСАВИНА

Эмансипантки

Тамара Карсавина

Эмансипантки

«Издательские решения»

Карсавина Т. Б.

Эмансипантки / Т. Б. Карсавина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964866-2

Книга «Эмансипантки» была написана более 10 лет тому назад. О чём она? О Западной Украине, о Львове, о львовянах. Точнее о львовянках, которые жили, уже в далёкие теперь, 80-е годы. Жили по-разному. Кто лучше, кто хуже. Влюблялись, сбивались с праведного пути, сходились, расходились, интриговали, растили детей и ...работали. Работали, не покладая рук по 8 часов, каждый день, наравне с мужчинами. Но ни о чём не жалели. Почему? А потому что эмансипантки.

ISBN 978-5-44-964866-2

© Карсавина Т. Б.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	22
ГЛАВА 8	26
ГЛАВА 9	27
ГЛАВА 10	30
ГЛАВА 11	33
ГЛАВА 12	37
ГЛАВА 13	40
ГЛАВА 14	44
ГЛАВА 15	46
ГЛАВА 16	48
ГЛАВА 17	52
ГЛАВА 18	55
ГЛАВА 19	62
ГЛАВА 20	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Эмансипантки

Тамара Борисовна Карсавина

© Тамара Борисовна Карсавина, 2019

ISBN 978-5-4496-4866-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Пролог

Посреди шоссе стояли «Жигули» жёлтого цвета. Из них выскочил Толик и стал мне махать рукой. Автобус, в котором я ехала навстречу машине, почему то стоял на месте, вернее было полное ощущение движения, но расстояние не сокращалось. И так несколько минут, он мне махал рукой, а автобус вроде как несся навстречу. Вот тут сон всегда прерывался, но ощущение, что я близко видела его лицо, не проходило и после пробуждения.

Толик был новым сотрудником нашего отдела недолго. Он пришел на завод после армии и устроился на должность «парнем куда пошлют». Он ещё не растерял солдатского дружелюбия и панибратства, всегда был в хорошем расположении духа и его любили за это.

ГЛАВА 1

Наш отдел, СПКБ, а проще – строители. Завод богатый. Мы, простые проектировщики, чувствовали это по ассортименту в столовой, по 13 зарплате, по квартальным премиальным за своевременный ввод объектов. Народ собрался молодой. Было пару пенсионеров, но они сидели тихо, не выступали публично и в общем-то держались нейтрально. Молодежь, в основном до сороковки, все после Политеха, с неплохими знаниями и неплохой подготовкой дозаводского периода. Проектной работы было завались, фантазия развивалась соразмерно кирпичу, никто не хватал с неба звезд, но фасадики получались миленькие, бойко раскрашенные и пользовались успехом у заводских начальников и в обласной архитектуре.

Кормчим отдела был парень нашего возраста, конструктор по специальности. Если ты его видел впервые, то впечатление было сто процентов положительное. Он казался деловым и демократичным, что сразу подкупало. Звали его Герман Анатольевич, но между собой проходил под кличкой Большой Гарри. Каждая симпатичная новая проектантка могла некоторое время попользоваться его благосклонностью. Вновь прибывшая окружалась довольно дотошным вниманием, что несомненно вызывало зависть бывших пассий. Одна из них, по имени Настя, была не на шутку влюблена в Большого Гарри. Она пришла с ним, как боевая подруга, из другого проектного института, бросив друзей, и чутко следила за всеми взглядами налево. Настя была невысокая, поэтому всегда на каблуках. Её можно было бы назвать хорошенькой, если бы не яркий макияж, который производил просто ошеломляющее впечатление. Но, несмотря на боевую раскраску, некоторое время казалось, что она симпатичный и искренний человек. Как бы не так! Поскольку специальность её была не ведущей, сантехник, времени для сбора сплетен было до чёрта, чем она с удовольствием и пользовалась.

В недалёком прошлом наш отдел не отличался интеллигентностью. В него собрали из разных отделов людей, которые имели хоть какое-то представление о строительстве или строительное образование, и заставили вспомнить, чему их когда-то учили. Поэтому отчасти это был типичный заводской змеёвник. Твердая уверенность, что любой кухарке по плечу управлять государством (а в этом случае заниматься строительством), жила в головах заводчан, работающих до прихода Большого Гарри. Герман Анатольевич сразу понял, что с этим народом каши не сваришь, и ничего путевого не запроектируешь. Поэтому Гарри сделал несколько вылазок к знакомым ребятам в проектные институты. Он посулил хорошие зарплаты, прогрессивки и народ потянулся. Начальник охотно брал на работу из проектных институтов, зная, что проектные институты – это школа проектировщика и с такими людьми легко работать. Как всегда он пекся о себе любимом в том плане, что ведь надо выпускать продукцию и ему отвечать за качество. Вот так незаметно набежало нас достаточное количество и из проектного бюро мы стали большим и трудоспособным отделом. Основной змеёвник очень пострадал, потому что появились свои формирования, в которых все было по сути такое же, но по форме несомненно интеллигентнее. Уже не было попок до поросычьего визга, не стало откровенных сучьих игр, но сплетни конечно плелись и с удовольствием мусолились. Заводские отошли на задний план, а первую скрипку передали новеньким, в том числе и Насте. Поскольку она была допущена к телу Большого Гарри, то в основном и была источником и приемником всех сплетен, слухов, настроений отдела.

Я пришла в отдел позже всех. После меня пришла только моя подруга Динка, да ещё один или два человека. Отдел фактически был сформирован.

Утро начиналось с обхода по кульманам. Бывало конечно Гарри где-то мотался с утра, а так в основном – обход. Если его не было на месте, то Динка подходила к моему кульману и спрашивала: «Ты не знаешь где шеф?» Вопрос задавался регулярно, примерно, раз в неделю в течении года. Пришлось однажды вальнуть, как говорят поляки: «Когда я уходила, он спал».

Так вот начинался обход. Кульманы стояли в три ряда. У нас были отличные Гэдээрзовские рейсы. Это большущая доска размером примерно метров 1,5 на 1,2 идеально гладкая, белая с двумя взаимно перпендикулярными рейщинами. Каждый фактически был отгорожен стенкой впереди и сзади от соседа. Гарри кроме вопросов по работе мог делать всякие реверансы и движения, не боясь быть услышанным и подсмотренным. С моим кульманом этот вариант не проходил, потому что Настя сидела передо мной и её ухо просто прожигало кульман. Сзади меня сидела Лерочка. Чудно манерная девица. У Лерочки часто бывали головные боли, поэтому она опаздывала, что сходило с рук. За это она часто отрабатывала по субботам и воскресеньям. Вообще то у нас в отделе очень поощрялось хождение на работу в выходные дни. Факт существования детей, уборки, стирки полностью игнорировался начальством. Можно было каждые тридцать минут выходить на перекур, травить анекдоты в коридоре, отлучаться по своим делам, но, если ты выходишь на работу в субботу, а ещё лучше и в воскресенье – значит настоящий труженик.

Через проход сидели мои друзья Михайло и Славко. Нет лучше друзей чем архитекторы, если дружба не заходила в область профессиональной деятельности. В нашем отделе, даже не знаю почему, зависть к успехам архитекторов, испытывали только другие специальности, поэтому мы дружили честно и преданно, назло завистникам.

Проектный зал был большущий, с огромными окнами и 4,5 метровой высотой. Большой Гарри сидел у самой входной двери и чутко следил за дисциплиной: своевременными приходами и уходами. Он бесцеремонно вмешивался в любую ситуацию, если она развивалась не по его представлению. Так например не могли долго, то есть более 15 минут, общаться с нами друзья из соседних отделов или какие-либо пришельцы извне, заглянувшие по личным делам. Тем не менее, несмотря на церберские повадки Большого Гарри, наш отдел пользовался популярностью.

Проектантки были молоды и, не побоюсь этого слова, хороши собой. Мужское народонаселение, пренебрегая запретами посещения, оказывало нам внимание. Чего только стоила моя коллега архитектор Соломия. Высокая и стройная с густыми длинными волосами. В ней несомненно была примесь польской крови. На неё обращали внимания даже женщины, настолько эффектная внешность. Соломия пришла в отдел раньше всех. Когда появилась Настя, она сразу же невзлюбила Солю: и ноги длинные, и мордашка хороша, соображает неплохо. Боевая подруга Гарри догадывалась, что есть красивые и умные женщины, но они не должны быть ни красивее и ни умнее её, Насти.

Я познакомилась с Соломией в приёмной нашего директора. Оказывается заболела секретарша Мырся, и посадили на телефон Соломию. Она мне понравилась сразу, только я не знала, что она архитектор и не на своем месте, поэтому меня удивил её затравленный вид.

В архитектурной группе нас было только две молодых женщины и мы подружись. При более близком знакомстве оказалось, что у нас есть общие друзья. А с её первым и последним мужем, Глебом Недоборовым, я училась в одной группе. Напрасно самоуверенный и недалекий Глеб предположил, что привяжет Соломию к кухонному столу, не тут то было. Соломия прожила с Глебом полгода, успела забеременеть и ушла к родителям. Она устроилась на завод, потому что это более хлебное место, чем проектный институт. Заводской коллектив для человека после пяти лет учебы в институте, испытание. Конечно она не вписывалась в это окружение и часто становилась объектом кривых взглядов и длинных языков. Заводские бабы, иначе не назовешь, предвзято относились к молодежи, пришедшей из институтов. А как иначе? Такие эти институтские чистенькие, непьющие, культурные, интересующиеся – просто противно... Если этой своре не дать отпор, охотно сделают из тебя всеобщее посмешище и клоуна.

Естественное чувство справедливости всегда поднималось во мне, когда талант и красота перечеркивались просто открытым хамством, и все только потому, что невозможно сдержать зависть. Может из чувства солидарности я стала дружить с Соломией. И даже позволяла себе

давать ей дружеские советы по макияжу. Надо сказать, что отношение к макияжу у украинских женщин двоякое. Или красились сильно, почти вульгарно, или совсем не пользовались ничем кроме мыла. И это касалось не только Соломии. Когда я впервые пришла на работу и посмотрела на Настю, которая разрисована была до последних возможностей, невольно спросила:

- Ты сегодня идешь в театр?
- Почему ты так решила?
- А макияж?
- Да нет, я всегда так крашусь.

Ничего себе! Я накануне приехала из Питера, где редко можно встретить так раскрашенных женщин и поэтому была искренне удивлена таким отношением к косметике. Там держались в макияже хорошей середины и мы присоединились к Питерским стандартам.

Наша дружба была искренней и лишённой всяческой зависти и подколов. Очень скоро друзья Соломии из других отделов стали и моими друзьями. Посыпались приглашения прийти на «каву» не только Соломии, но и мне. У нас бывали замечательные загулы в обеденный перерыв, а в другой раз и после работы.

Через несколько месяцев устроилась на работу Динка. Рядом с Соломией она выглядела серенькой мышкой, может так показалось, а может потому, что после декретного отпуска. Динка потихоньку начала обживаться и обрастать друзьями. С самого начала она стала дружить с Витькой. Он в отличии от Динки, которая была конструктором – архитектором, но они так договорились, что просто не разлей вода. Болтали в основном про передачи по телику, что меня просто удивляло. «Стоит ли говорить о телевизионных передачах, – думала я, а потом решила может и стоит». Кроме того Динка очень приятельствовала с девчонкой со своей группы, которую я сначала терпела, а потом просто не переносила. Злобное некрасивое создание, с сумасшедшим апломбом с ярко выраженной национальной непримиримостью, хотя фамилия была явно не русская. Последекретный период характерен абсолютной заикленностью на себе, на семье, может поэтому не очень вникаешь в людей и в их внутренний мир. Динка не исключение. Прошло несколько месяцев и интерес к окружению начал проявляться более. Я в то время была ближайшей соседкой по кульману и Динка все чаще начала со мной беседовать. Как то само собой получились, что мы подружились. И она стала просто Ди (у меня есть привычка называть людей по своему и это прилипает к человеку. Например на прошлой работе был парень Юрий. Я стала его называть Йорик, по созвучию, так для всех и стал Юрий-Йорик, так и в Америку Йориком улетел).

ГЛАВА 2

Жизнь в отделе крутилась вокруг определенных лиц. Были люди, которые интересны всем, а были такие, что их отсутствие никто не замечал. Это мое место работы третье по счету. В каждом отделе были юродивые, причем количеством по нарастающей. На первой работе ни одного «накрытого», на второй – один, а на третьей – два. Парень и девчонка. Причем оба с высшим образованием, а парень из хорошей семьи, родной брат – летчик гражданской авиации. Парень был явно не в себе, заданий по работе не получал, целыми днями сидел, уставившись в одну точку. А вот девчонка была доведена окружением всяческими издевательствами и зубоскальствами. Она пыталась просить защиты у начальства, уповала на коллектив, но все как сговорились и откровенно выживали человека с насиженного места. Ещё и приписывали ей сумасшествие. Затеял всю эту бодягу Большой Гарри. Уж не знаю с чего началось, а началось до моего прихода, но переросло в откровенную травлю человека. Подпевал у начальства всегда в избытке, поэтому можно было обставить, что человек не может работать в коллективе. Чего только стоила беспардонная заводчанка Галына. Периодически она наезжала на каждого. Одно время облюбовала Динку. Бывало, что могла тявкнуть на Большого Гарри, но это больше от переполнения чувств. Заводские старожилы рассказывали такую историю.

Большой Гарри пришел на завод самым первым. Тогда это было небольшое бюро, состоящее может из 10 человек. Галына уже работала, мне кажется, что она на заводе и родилась. На фоне других она выделялась «красотой»: травленные волосы и яркокрасные губы. Не обделена нахальством и уверенностью, что ни один перед ней не устоит. А здесь, о чудо, Гарри не реагировал на её «красоту» и напор. Что только она не делала! И варила кофе, и пекла пирожки, и приносила бутерброды, и громко рассказывала пахабные анекдоты – ничего, ноль. Тогда Галына начала откровенно хамить. То задание на проектирование плохо выдано, то в командировку она не поедет, то нет времени, чтобы согласовать чертежи – решила взять напором.

А здесь к счастью и праздник 8 марта подоспел. Надо было чистить картошку, жарить мясо и все это притаскивать на работу. Елось и пилось, в то время на рабочих местах, и непомерно. Потом, после попойки, надо было отнести кастрюли домой к Галыне. Кастрюли понес Большой Гарри, благо недалеко. А может подумал: «Вот случай нейтрализовать Галынку». Отсутствовали они часа два, вернулись довольные и с тех пор Галына стала верным человеком и «рупором» начальства в среде рабочего класса. Верность проявлялась в основном в экстремальных ситуациях, когда каждый голос на счету, когда надо беспардонно кого-то обхамить. Кроме того всякое действие «за начальство» не было лишено и шкурных интересов. Уверенность в правильности действий подтверждалась льготами: зарплата инженерская, хотя всего-то техникум, премии только из числа наибольших, выделенная квартира в семейном общежитии тоже с барского плеча.

К чести архитекторов, мы всегда держались на дистанции от таких «рупоров». Не позволяли себе опускаться до выяснений отношений. За копейки по премиальным и поквартальным никогда не грызлись, не разрешали другим ссорить нас между собой и с друзьями из других групп.

Как-то раз подходит к кульману Динка и говорит:

– Ну и чего ты пожаловалась шефу?

– В смысле?

– Ну в смысле того, что я тебе не выдаю задание?

– Впервые слышу.

– Да он мне только что в коридоре сказал, ты к нему подошла и пожаловалась,

что не можешь дальше работать, потому что я тяну с выдачей задания и поэтому я буду виновата в срыве сроков.

Я встаю с рабочего места, беру Динку за руку и иду с ней в коридор к шефу. Он как всегда в окружении публики. Трещит о чем-то, этакой рубаха-парень, рабочий- парламентарий, борец за счастье трудового народа. Проталкиваемся к телу великого кормчего, и я, держа за руку Ди, спрашиваю:

– Герман Анатольевич, хочу вот публично поинтересоваться, когда это я жаловалась, что Диана Юрьевна мне не выдала задание?

– А я разве такое говорил?

Вопросом на вопрос ответил большой Гарри, ничтоже сумящеся, и отвернулся, затянувшись очередной дозой никотина.

ГЛАВА 3

Сегодня было как всегда. Уже пришла осень, добираться все труднее и труднее. Транспорт в часы пик совсем переполненный, хоть выезжай из дому в 7 утра, хотя работа с 8.30. С трудом удастся втолкнуться в троллейбус на своей остановке. Впереди маячит знакомая спина Славы Кусько. В другой раз я восхищаюсь этой женщиной. У неё двое пацанов в возрасте моих детей, т.е. восемь и тринадцати лет, а муж ушел к женщине на семь лет старше. Двое парней на одни женские плечи – это кошмар, какими бы хорошими детьми не были Славины мальчишки. Она конечно бодрится и старается не поддаваться панике, которая, думаю, её довольно часто посещает. Ну а как иначе? Хотя это и не такие большие мальчишки, но наказывать их можно уже только словом. Бить конечно не только не педогогично, но уже и непосильно. Кроме того к ней прицепилась серьезная болезнь и она недавно перенесла тяжелую операцию.

– Привит, – говорит Слава, завидев меня. Разговор между мной и Славой всегда проходит на украинско-русской смеси.

– Привет, – отвечаю.

– Ну що, не спизнюємось?

– Да вроде нет. Ну что там нового, как выходные?

– Та була у батькив, в Стрию. Напахалась як папа Карло. Бульбу копала.

– Да ты б меньше усердствовала, все-же после операции.

– Та що там, вже пройшло майже два місяці. Мушу помогты, бульба на зиму потрібна, попробуй прогодуй двох хлопців. Та з рештою я себе не так бережу як ты, Наконечна, (камень в мой огород).

«Ну, ну, – думаю я. – Только то, что не еду копать картошку, а так нагрузка в полном объеме». Дети по возрасту как у Славы, но я, правда, замужем. Муж, конечно, по хозяйству помогает чисто теоретически. Да я его где-то понимаю, самой в другой раз так хочется поспать лишнее, не убирать по субботам, не стоять с талонами за сахаром и сливочным маслом, но это все остается в области желаемого. Каждый день подъем в 6 утра. Тогда как раз подают воду. Если хочешь полноценно, неспеша сделать утренний туалет, привести себя в порядок, надо встать до того, как проснуться дети. Пару раз бывало, что все просыпались одновременно, тогда сбор в школу и на работу превращался в разгром квартиры и сумасшедшее беганье из кухни в комнату, из ванны в кухню. И даже уже тогда, когда все собрались, оделись, закинули ранцы за спину, закрыли квартиру, сели в лифт и поехали, оказалось, что Олег, муж, в домашних тапках, а я не сняла кухонный передник.

Вытаскиваемся на остановке из троллейбуса и галопом в сторону работы, время поджимает. По дороге присоединяется Роман – геодезист, и Римма, тоже наша сотрудница, редкая язва предпенсионного возраста. Быстрая ходьба ей не мешает сообщить какие-то незначительные заводские сплетни. Значительные она будет обсуждать тет-а-тет с Галыной, бессменной подругой которой, числится многие годы. Наконец то мы у заветного угла, завернув за который, сразу видим добротное здание нашей работы. Строили его, вроде бы, по ленинградским чертежам, пустили в эксплуатацию совсем недавно, поэтому оно в прекрасном состоянии. Не только кабинеты, холлы и лестничные марши, но и туалеты были в порядке, что конечно положительно влияло на всех работающих. Было приятно чувствовать себя цивилизованным человеком в чистых основных и подсобных помещениях. Наш отдел на втором этаже, но уже с холла видны наши. Тот, кто пришел пораньше, разделся, стоит с сигаретой или на площадке или в коридоре. Сегодня как-то тихо. У самой двери встречаем девчонку из техотдела, которая с ужасом сообщает, что пропал Толик.

– Как это пропал? – дружно интересуемся.

– А вот так. В пятницу вечером не пришел домой. Мать ждала субботу и воскресенье, но он не пришел. С трудом дождалась понедельника, прибежала на работу, а начальства ещё нет. Стоит под дверями приёмной и плачет.

В отделе напряженка. Пришедшие раньше в курсе, что Толик пропал с пятницы. На лице у каждого какая-то задумчивость. Все как по команде сидят на рабочих местах, такого никогда не бывает, в обычных условиях. На меня тоже, почему-то, напала задумчивость. Вроде парень не пьющий и не гулящий, доброжелательный. Кому он мог помешать? Тьфу-тьфу, что это я? Да просто может с друзьями заваялся, в эти дни обычно встречи среди дембелей, которые ушли в свое время осенним призывом. Все же наверное с ними, а иначе где? Последнее время Большой Гарри приписал его к машине, которая множила чертежи. Это в другом здании, которое стоит отдельно и не на территории завода. Перемещение не контролируемое, начальник этой машины довольно либеральный человек, поэтому можно, если надо, пойти по своим делам, благо далеко от глаз Большого Гарри. Кроме того Толик ездил как курьер, если нужно было отвезти какие-то нормативные документы, которые наши брали в архивах других институтов. А может поехал в Солнечное? У нас там база отдыха и строительство нового пансионата, который проектировали и строили под надзором нашего отдела. Прораб тоже из заводских, неплохой толковый. Может послали Толика с чертежами?

Правда каждую пятницу на стройке «День строителя», т.е. попойка. Сама неоднократно участвовала, когда недолго работала на стройплощадке. Мастер Наталка приходила в прорабскую, где я в нечеловеческих условиях чертила обмерочные чертежи, нужные для реконструкции, и хорошо поставленным голосом сообщала:

– Архитектор, давай рубля, я вже зибрала з Грыгоровыча (прораб) и Зенька (электрик), з Васыля (бульдозерист). Грыгоровыч як завжды дав 3 рубли, а з вас по рублю.

Может и здесь так было, все затянулось, пятница, незаметно перешла в субботу, а потом в воскресенье...

Стремительно ворвался Гарри и огласил на весь отдел:

– Кто в пятницу видел Толика?

Ответом было гробовое молчание... тьфу-тьфу. Так до обеда в тишине и просидели. В перерыве стали собираться группами и обсуждать пропажу Толика.

– Да перестаньте вы нагнетать обстановку! – сказал Витька. – Что с ним может произойти?

– Хорошо тебе говорить, – вступает Галына, – мать просто так не пришла бы.

– Да она просто паникерша, – продолжает Витька. – Кому он нужен? Загулял парень, дело – молодое.

– Да в том то и дело, что это не в его правилах, он всегда говорит матери, когда куда едет или идет, да и куда тут сильно пойдешь, чтобы не прийти ночевать? – удивляется Михайло.

Ох ещё как пойдешь. Да и кто б говорил? При всей моей симпатии, кстати взаимной, могу сказать, что Михайло очень даже ходок. Жена долго терпела все его перепетии и походы, все же разошлась с ним. Кстати с Михайлом ещё до развода был совершенно из ряда вон выходящий случай, которому жена не поверила.

У нашего завода есть филиал в Закарпатье, мы проектировали производственный корпус, а Михайло был ведущим архитектором. Среди недели, Гарри послал его в командировку. Командировка – однодневная и Михайло, поделав все дела, успел на поезд «Ужгород-Львов». С утра он не поел, в командировке закрутился, поэтому пошёл сразу же в вагон-ресторан. Заказал первое, второе, сто грамм и говорит официанту, что б принес сразу счет. Официант принес еду и Михайло расплатился. Последнее, что он помнил – это ложку, с борщом, которую не донес до рта. И все, темнота. Очнулся в кустах около вокзала, благо, что лето, поэтому простудился, но не очень. Сколько проспал не знает. С трудом вспомнил, где живет и потащился домой. Вид, конечно, затрапезный: мятый, грязный. Жена открыла двери и сразу по морде,

даже не стала разбираться. Только кричала, что он скотина и она знает, что он шастает по кур-вам. И это уже переходит все границы, потому что ушел на работу в среду, а сегодня пятница.

Может и с Толиком так? Правда у Михайла в кошельке было триста рублей. У Толика вряд ли такие водятся, да и клафилин ещё не очень распространенное явление.

Так ни до чего не договорившись, разошлись на перерыв. Прошло несколько дней, Толик не объявился. Начали искать по больницам и по моргам. Нет человека. Подали в розыск.

Со времени пропажи прошло довольно много времени, может месяц, а может больше и мне впервые приснился Толик. Первая мысль, которая пришла в голову после пробуждения, что его нет в живых. Да, он пропал, но тела не нашли и теплилась надежда у матери да и у нас. А вот теперь, я была уверена, его уже нет. Но как он умер, почему именно мне Толик махал рукой, что именно он хотел мне сказать?

ГЛАВА 4

Линку перевели на завод со Стрыйского филиала. Конечно добираться далековато, но деньги несравненные. Стрый – маленький захудалый городок, в котором единственное большое и престижное предприятие – это мебельный комбинат. Там работает её муж. Работать с ним на одном предприятии она не хотела, да и кем туда возьмут? Разве что в цех, разнорабочей, а у неё как ни как пединститут, все же надо держать марку. Поэтому, когда открылась возможность попасть в филиал львовского завода в Стрию табельщицей – пошла сразу. Все же не голая ставка как в школе. Здесь и 13, и квартальные, и возможность отправить детей летом в пионерский лагерь. Да и во Львов лишний раз можно смотаться из этого угрюмого Стрия. Пройтись по магазинам, пробежать по Стометровке (центральная аллея проспекта Шевченко) всегда приятно. Правда после пробежки чувствовала легкую досаду. Как это львовянки всегда умеют выглядеть на все 100%. Она вроде и в новом плаще, платье, пальто, зависит от сезона, и подстрижена, а корова коровой. И туфли пыльные, и лицо какое-то опрокинутое, и какая-то постоянная неловкость во всем. В магазине стесняется подойти к продавщице, все кажется, что она сразу увидит её деревенское нутро и не ответит на вопрос. Ну да что там говорить, Львов – это Львов.

В стрыйском филиале было полегче, все таки знакомый, который пристроил, хоть и переспал с ней будучи другом мужа, но в дальнейшем не очень интересовался и не докучал своим вниманием. Бывает, конечно в основном по праздникам, после того как хорошенько выпили, мигнет, чтобы вышла. Приходится выходить. Как то хотела не пойти, так он не церемонясь зашел в отдел, подошел к столу и громко попросил на выход, мол муж звонит. Ещё не хватало, чтобы скандал устроил. Все соития происходили у него в кабинете, в основном на стуле. Сначала было неудобно и противно, но потом пообвыклась и даже в дни праздников одевала чулки, а не колготки, чтобы не надо было снимать сапоги, или туфли, опять таки зависело от сезона.

Работа была не пыльная, что там стоит обойти народ, которого было как кот наплакал и накрутить восьмерки в табеле. А так в основном сидели в отделе, если зимой, а когда начиналось теплое время года фактически работали до обеда. По неписанным законам уходили так, чтобы кто-то оставался и, в случае крайней необходимости, мог обзвонить всех и вызвать на работу.

В тот день была пятница и была Линкина очередь прикрывать. Обычно в пятницу после полудня не только сотрудников днем с огнем не найдешь, но и начальство отсутствует. А тут как назло пришел начальник, посидел за соседним столом, для гонимых вяло спросил где все. Она что-то ответила тоже вяло и невразумительно и уставилась в окно, которое выходило на улицу. Ещё осталось пару часов и надо бежать забирать младшего из садика, да надо зайти в школу что-то старший натворил... Она так задумалась, что и не заметила как Василь, шеф, уже стоял около неё и запускал руку за кофту (все прилюдии начинались с этого жеста, уж очень он любил её грудь). Чёрт бы побрал! Во-первых середина дня, хотя народу никого и можно закрыть дверь, но дело даже не в этом. Во-вторых она была совершенно не настроена, да и в колготках. Так не хотелось разуваться. Но что делать, ведь не отстанет, просто так что-ли притащился в пятницу в отдел. Медленно нагнувшись, расстегнула туфли и начала снимать колготы. Василь уже был готов, принес стул и пошло по накатанному. Хорошо, что стул стоял у окна и она успела увидеть, как подъехала машина. Явно львовская, потому что чистая да и мужики стали из неё вылезать не чета стрыйским – все холёные.

– Василь, кто-то приехал, давай приводить себя в порядок, это явно к тебе. Пока разберутся где ты, я успею здесь убраться.

Только успели все расставить, застегнуть туфли и открыть двери, как уже стучались. Да, действительно, приехали из Львова: зам директора по капитальному строительству, начальник

ОКСа и главбух. Решили в пятницу нагряться в филиал. Василь, красный как рак, засуетился. Предложил перейти в его кабинет, а ей приказал варить каву. У них всегда была представительская кава с печеньем, конфетами и бутылкой коньяка. Если одной бутылкой не обходилось, значит из сейфа доставалась вторая. Дело было к вечеру, на улице весенняя погода, все в расслабленном состоянии. Линку, как единственную женщину, пригласили посидеть в мужской компании. Когда была выпита и первая, и вторая бутылка, и третья глазки у начальника ОКСа стали блестеть не по делу.

– А где это в Стрию работают такие красивые женщины?

– В плановом.

– А кем?

– Табельщицей.

Разговор не получил развития, потому что вдруг все засобирались. Оказывается уже пятый час, а ещё ехать.

– Я скоро приеду, – сказал начальник ОКСа и при этом многозначительно пожал ей руку.

«Дядя», так она назвала начальника ОКСа (отдела капитального строительства) для себя, не обманул. Приехал на следующую пятницу один. Прошелся по территории, заглянул к ней в отдел и попросил выйти на минуту. Она вышла.

– Что ты скажешь, если мы сейчас с тобой пойдем в ресторан, – с места в карьер и на «ты» начал Дядя. – Про Васыля не волнуйся, я ему сказал, что хочу тебя пригласит, главное что ты скажешь?

«Это самый настоящий торг, – подумала она. – На что он рассчитывает и на что я могу рассчитывать?»

– Ну хорошо, пойдем в ресторан, а потом что?

– Как говорить все зависит от тебя.

Ресторан стоял на опушке леса. Стилизованный под колыбу, с хорошенькими клумбочками цветов и висячими горшками герани в кашпо. Она редко здесь бывала, этот ресторан работал в основном на приезжих львовян и стрыйский авиаотряд, поэтому здесь её не знали. В самой колыбе столики были отделены друг от друга перегородками. Народу мало, обычно к вечеру сходились офицеры и кое-какие приезжие. Начали с шампанского. Оно быстро ударило в голову и стало как-то всё равно. Дядя довольно витиевато ухаживал, хотя стало понятно, что кончится все так, как с Васылем. После бутылки шампанского и графинчика водки, он подсел ближе и начал поглаживать руку. Потом рука переместилась на колено, а потом несколько выше. При этом рот не закрывался. Он рассказывал, какие зарплаты во Львове, какие премиальные, особенно в ОКСе, потому что ОКС ближе всех к директору и он их не обижает. Начальник, как говорят, «гнал пургу», которая к ней пока не имела никакого отношения.

– Знаете что, давайте выйдем на улицу. И подумала: «Может остынет?»

На улице было чудно. Уже тепло, все же май, зелено. Как то незаметно начали углубляться в лес. Дядя осмелел, прислонил её к дереву и начал бесцеремонно гладить грудь. Как всегда начинается с этого. Незаметно руки перешли под юбку и он стал оглядываться, где бы пристроиться. Недалеко стояли лавки и довольно высокие пенки вокруг мангала. Как нельзя кстати, оказалось. Выбрали лавку. «Все как с Васылем, — подумала она. – Фантазия у мужиков небогатая, но Василь был пообходительней, а этот почти в отцы годится, но прыть и напор нешуточный, даже не ждёт, когда сниму колготы, просто их порвал. Совсем оголодал мужик.» И уступила напору.

– Пора по домам, у меня много дел и я больше не могу, нет времени.

– Ну что ж, домой так домой, – согласился Дядя, сытым голосом.

«И слава богу, что все позади, – подумала Линка, – может больше не приедет?»

Но Дядя стал приезжать каждую пятницу и так длилось целое лето и осень. Василь перестал приставать, видать дали по рукам. Но тот факт, что она оставалась на хозяйстве каждую

пятницу не ускользнул от сотрудниц. Сплетни поползли как сорняки из всех дырок. Единственная подружка из отдела, Надийка, сказала, оглядываясь по сторонам, чтобы, не дай бог никто не услышал:

– Слушай, Лина, делай что-то, они догадываются, что этот, из Львова, приезжает к тебе. Да и Василь, пару раз я слышала, что-то на тебя катит бочку. Смотри как бы до мужа не дошло.

В следующий Дядин приезд она сразу взяла быка за рога:

– Что это вы себе думаете? Мало того, что я каждый раз рискую работой, ухажу раньше, так ещё и сплетни начинаются. А ну как дойдет до мужа, так меня свекровь со света сживет, а у меня дети малые. Не приезжайте больше!

– Ну перестань, я уже над этим думаю, мне самому надоело ездить туда— сюда. В нашем отделе одна сотрудница идет на пенсию, я тебя возьму на её место. Правда работа для тебя мало знакомая, но я тебе помогу, прикреплю на время к кому—нибудь, а там ты и сама въедешь.

Так она появилась во Львове. На заводе приняли её достаточно дружелюбно, тем более, что с подачи начальника отдела. Никому и в голову не пришло, что это не просто так. Работа была довольно сложная и первое время непонятная. Надо было курировать объекты, которые проектировал проектный отдел, работать с инженерами по строительству в банке и подписывать выполнение у подрядчиков. Дядя, конечно, прикрывал, но многому надо было учиться. В наставники дали молодого парня, который сам не так давно занялся этой работой, но в силу ума и образованности очень быстро разобрался, что к чему. Приходилось с ним выезжать на объекты, которые были разбросаны в разных местах. Началась мотанина по Закарпатыю, по Львовской области, по Стрыйскому району.

«Не такое это уже и благо работать во Львове и получать высокую зарплату, – в другой раз думала она». Но, когда приходил день получки, понимала, что выбор сделан правильно. Любовь Дяди, после перехода во Львов на работу, расцвела пышным цветом. Сейчас не нужно было ни перед кем отчитываться, можно было в любой момент, предворительно договорившись, встать и уйти. Львов предоставлял широкие возможности.

Постепенно она начинала привыкать к удобствам и достатку. Уже обедалось в «Интуристе» или «Москве». Если квартира, то в центре. И не какая-нибудь комнатка с протертым диваном, как в Стрию, а приличные апартаменты с шикарной ванной и биде. Если гостиница, то «Интурист» или «Турист», или «Львов» – все они совсем новые и красивые. Недавно появился «Днистер» и она с Дядей, в очередную встречу, опробовала номер в «Днистре». Метаморфозы происходили и с ней. Из нескладной коровы, Львов начинал делать львовянку. Уже можно было не стесняясь придти в магазин и покапризничать у прилавка, не боясь продавщицы.

Все было почти замечательно. Муж ни о чем не догадывался и стал даже с уважением поглядывать на неё, когда по самым скромным подсчетам оказалось, что она приносит в дом в три раза больше, чем он. Это не считая того, что ещё ею не декларировалось, а получалось так, на мелкие расходы от Дяди, на «булавки» как он любил говорить. Летом удалось впервые съездить на море с детьми, в пансионат, в Морское. Что было радости! Мальчишки впервые увидели море. Единственно, что её угнетало, так это длительные поездки из Стрия. Так бы хотелось жить во Львове! Как то, когда Дядя уж совсем вспылал, после длительного удовольствия, она решила заикнуться о переезде.

– Ну что ж, – вдруг неожиданно доброжелательно сказал он, – я подумаю. —Мне б ещё чаще хотелось с тобой встречаться, эти поездки и правда пожирают ценное время.

«Экий неугомонный, – подумала она.» Но ничего не сказала, а только опустила глаза, чтобы он не заметил радости от его решения. Может что-нибудь удастся с квартирой? Завод как раз начал большущее строительство. Конечно очередников дочерта, местком это дело контролирует, но ведь начальник ОКСа не последний человек, может что-то можно придумать, хоть и работает она во Львове всего ничего.

ГЛАВА 5

Я познакомилась с Игорем, когда шла на работу. Меня неожиданно со спины кто-то взял за локоть и сказал:

– Привет, Соломия.

Я испугалась, отпрянула, повернулась и увидела перед собой совершенно незнакомого мужчину.

– Извините, но я вас не знаю, – сказала я. – Что вы хотите?

– Ради бога простите, я вас перепутал с Соломией, у вас похожие пальто, я думал, что это Соломия. Вы не пугайтесь, я новый сотрудник соседнего отдела, давайте познакомимся. Я Игорь, а вы Жанна? Соломия мне вас когда-то показала и сказала, что вы её подруга. Я не ошибся?

– Да, это я, – сказала я. И подумала, что пальто мое и Соломии совсем не похожи. Мое пальто довольно редкое, потому что куплено в «Каштане» мамой. Приехали мамины родственники из-за границы и все вместе пошли и купили подарки в «Каштане». Мама выбрала мне пальто, я как раз приехала из Ленинграда, обносила и она сделала мне подарок. Но что с него взять, мужчины смотрят на силуэт, а детали и качество их не волнуют.

– Соломия приходила к нам на согласование и её направили ко мне как к новому сотруднику, потому что мне передали этот объект, вы знаете, что Вера Викторовна ушла на пенсию?

– Да, я знаю, что у вас там какие-то перестановки, но конкретно не интересовалась. Ну что ж будем знакомы.

Так незаметно и дошли до работы. В обед Соломия подошла ко мне и сообщила, что мы получили приглашение на каву.

– А когда это вы успели познакомиться? – с какой-то даже ревностью спросила Соля.

– Да Игорь принял меня за тебя, короче разобрались кто есть кто, так и познакомились

– Пойдем?

– Ну когда мы с тобой отказывались пройтись на каву? Конечно идем, а что остается, не сидеть же целый обед в отделе?

В перерыв тройца стояла на кафе и весело трещала обо всем, что приходило на ум. Игорь оказался тоже архитектором, но проектную работу не любил и поэтому пошёл в отдел капитального строительства. Это по его понятию по мужски лазить по стройке, сидеть в прорабской, ездить в командировки. Если честно, то для женщины это занятие несколько обременительно, но, если б более комфортно было, т.е. лучше транспорт, почище прорабские и меньше мата, то и женщина вполне может работать на строительстве. Знаю не по наслышке.

При более близком рассмотрении Игорь оказался несколько тяжеловат в общении. Я не могла никак понять почему. И вроде легко излагает и знает много, но в самой речи чувствовалась какая-то внутренняя тяжесть. Казалось что вот сейчас ему не хватит слов или дыхания. Превносила неловкость и манера замолкать чуть ли на пол— слово. Поэтому он производил впечатление тяжелого чемодана, который тяжело нести и жалко бросить. Ему очень подошло наше общество, было по всему видно. При его неуклюжести, чувствовалось, что человек отдыхает душой с нами. Мы ничего от него не требовали, а принимали его таким, каким он есть. Хотя бытует мнение, что мужчина и женщина не могут дружить. Может дружить и не могут, а вот приятельствовать— могут— это мы с Соломией дружно доказывали.

Часто после работы мы дружной тройцей шли домой. Игорь жил недалеко от работы. Соломия тоже. Мне надо было на троллейбус и они меня провожали. Особенно мило было пройтись летом. Когда мы по очереди уходили в отпуск, то всегда с радостью возвращались, привозили друг другу какие-то мелочи и рассказы про отпуск. Игорь в отпуск ездил с женой. Мы никогда его жену не видели, но по рассказам получалось, что это «фам фаталь». Она была

старше Игоря на 10 лет, уверенная в себе и красивая женщина. Уверенности в ней должно быть более, чем на 100 процентов. Во-первых на 10 лет старше, а во— вторых работала на телевидении. Я была удивлена, что Игорь говорит об этом с легкостью, без стеснения. Как-то ему не стремно было признаться, нам двум молодым и привлекательным женщинам, что жене под 50, но Игорь уже пообвыкся. Он был женат пять лет. Детей не было. У них большая и комфортная квартира, интересные друзья. Но ему всё же хотелось дружить с ровесниками, видеть серьезные дяди и тёти все же несколько угнетали. Может когда-то он и был легким парнем, но взрослое окружение, в которое он попал в молодом возрасте, сневелировало его под себя. Да это и понятно, когда молодой человек попадает в общество людей старше на 10—15 лет и варится в нем, то естественные молодые замашки выглядят вульгарно. Приходится соответствовать.

Когда Эдит Пиаф познакомилась с Тео Сарапо ему было 25, а ей 45. Они недолго были вместе, Эдит очень скоро умерла. Но Тео Сарапо так и не смог жить нормально и тоже скоро умер. Но сначала он умер морально, никак не мог успоиться после смерти Эдит, чудил и бедокурил. Старшие женщины, в отличие от старших мужчин, всегда проходят тяжелым катком своей жизни по молодым мужчинам.

Игорь не исключение. Хотя его жена и не Эдит, но свой каток она прокатила. Мне все время казалось, что Игорь чего-то недогаваривает, что хочет что-то изменить в своей жизни.

Через какое-то время у Соломии появился, как мы говорили, «человек». После работы она обламывая копыта бежала на свидание и ей стало не до нас с Игорем. Нет, мы продолжали болтать в коридоре, ходили на каву, обменивались информацией о новостях в отделе, но милые прогулки втроём прекратились и мы стали ходить на троллейбус вдвоем.

Приятельствование приближалось к опасной черте. Я уже не раз замечала, что он как-то перестал рассказывать какие-то интересные новости про походы с женой в гости, меньше стал говорить о её друзьях, а все больше сбивался на интимные темы. Бывало и после работы Игорь мог меня пригласить на каву недалеко от троллейбусной остановки. Я понимала его настроение и понимала, что наши отношения как снежный ком начинают обрастать ненужной двухсмысленностью. Если честно, хоть Игорь и был похож на мальчика, который мне нравился в школе, такой тип мужчины меня уже не волновал. Конечно можно было завести роман для счета, но стоит ли? Внутреннее чувство подсказывало: «Не стоит». Такие парни, которые решаются на брак с женщиной на десять лет старше, довольно серьезные во всех отношениях. Неизвестно можно ли будет перевести, любовные отношения с Игорем в игру или в легкий флирт. А вдруг будет не отвязаться? Да и обременительно это. Ну понимаю, когда уж очень человек совпал с твоей внутренней вибрацией, а просто так... Все же дружба между мужчиной и женщиной никак не получается. Постепенно отношения стали переходить из приятельских в служебные. Как-то Соломия заметила:

— А что это с Игорем? Сегодня шли вместе на работу, я предложила пойти потрещать на каву, он отказался. Сослался на занятость. Жанка, уж не влюбился он в тебя?

— Ты считаешь, что это возможно? — спросила я.

— А почему нет? Сколько можно торчать около своей бабушки?

— Да, может бабушка и надоела, но для танго надо двое.

— Понятно, — ответила умная Соломия.

ГЛАВА 6

Линка опять ушла с работы. Игорь уехал в командировку в Воловец. Дядя заметил, что она томиться без дела и предложил провести время с пользой, т.е. встретиться. Ей и в голову не пришло отказаться, хотя, если честно, очень не хотелось куда-то выходить. На улице холод, поздняя осень. Транспорт плохо едет, а добираться в центр.

Новая квартира для встреч теперь расположилась просто в центре, недалеко от дома, в котором жил Виктук, как сообщил для непосвященной Дядя. Дом старый с остатками польской роскоши. Широкие лестницы, кованые перила. Площадки перед квартирами такие большие, что спокойно можно выгородить ещё одну квартиру. На площадку выходят две красивых двери. На одной медная табличка «Одинцов Б. В. адвокат». Борис Викентьевич, отец Викентия Борисовича, старинного друга Дяди. Их отцы принадлежали к тем офицерам, которые пришли с советскими войсками в сентябре 1944 года. Они заняли квартиры врачей, адвокатов. Польская интеллигенция уходила от советов, взяв с собой только детей, документы и ценности. В квартирах, занятых высшими чинами советской армии, до сих пор мало что изменилось. Мебель, картины, габилены, посуда, оставались те же, что и при бывших хазяевах. Менялась разве что сантехника, благоустройство кухни и состав книг в библиотеке. Ремонт делался выборочно, потому что единоразово сделать никакой возможности. Мебель, сплошной антиквариат, была довольно ветхая и несоразмерно громоздкая. Передвинуть, переставить совершенно невозможно, разве что несколько подреставрировать. Поэтому всё было на своих местах и почти такое как когда-то, в 1944.

Линка впервые была в такой квартире и она её впечатлила. Становилось понятно, почему из-за этих квартир были чуть ли не бои локального значения. Это неправильное представление, что любой мог въехать в такую квартиру. Такие квартиры получали офицеры не ниже полковника.

Как бы не было, но квартиры были получены и перешли детям по наследству. Здесь жил дух красоты и роскоши, которая Линке была незнакома, но которая её все больше очаровывала. Поэтому она где-то была благодарна Дяде за то, что он её, селюшку, выбрал и так запросто знакомит с красивой жизнью. Правда с друзьями он её не знакомил, да она и не обижалась. Зачем? О чем с этими москалями говорить, что они знают? Всегда устроены за счет партбилетов и связей, всегда сыты, хорошо одеты. Да бог с ними, завидовать грех.

Дядя встретил чуть ли не на пороге и сразу стал поспешно снимать с неё пальто. Сам, как видно, пришел уже давненько, успел выпить, судя по запаху, коньяку, и подготовиться, был в спортивных штанах. «Спортивные штаны – это чтобы не терять времени, – неприязненно подумала она».

Кровать была большая и круглая, выглядела как подставка под легковой автомобиль на выставке, только то, что не вращалась. У Дяди теперь было новое пристрастие. Он заставлял её одевать черные чулки с резинками и черное бельё. Черная комбинация к ней шла. Довольно белая кожа, становилась ещё белее. Ноги в черных чулках становились ещё стройнее. Дядя начинал сопеть и волноваться и это был, пожалуй, самый неприятный момент. Но коньячная анестезия скрашивала сопение и удовольствие было вполне полноценным и длительным. В другой раз она подумывала поговорить со своей одноклассницей Оксаной, которая была фармацевт, о каких-нибудь припаратах, которые бы действовали как коньяк, но не давали запаха. Без каких-либо возбудителей было никак не обойтись, а все время алкоголь – это не то. Да и муж несколько раз унюхал и пришлось рассказать сказку про день рождения. Черные чулки сделали свое, они перешли в столовую, опять выпили и залегли расслаблено в широких креслах.

Покрутившись немного Дядя опять мягко подтолкнул к дверям спальни и опять засопел. «Действительно коньяк имеет дубильные свойства, – подумала она», когда Дядя мягко

попросил заняться им. «Конечно в его возрасте каждую неделю встречаться это более, чем хорошо. Да и нарикать на его возможности нельзя. Муж не идет ни в какое сравнение. Во-первых часто или выпивши или усталый, а во-вторых и условий никаких. Свекровь всегда дома да ещё и на ночь дверь открывает в их комнату, а комнаты смежные. Видети ли, дышать ей нечем».

– Ну что там слышно с квартирой? – спросила она, поглаживая ногу в черном чулке.

– Работаем в нужном направлении, – сказал Дядя и жадно потянулся к ноге.

– Ну, ну, хватит, хватит, надо собираться, а то мы здесь и заночуем, мне далеко добираться.

– Надо будет подумать над вопросом как бы это и заночевать, – сказал Дядя, но поползновения прекратил.

Потихоньку собрались и вышли на темную улицу. Уселись в машину и Дядя повез её на вокзал.

Пока доехала в электричке, пока дошла до дома, было уже восемь вечера. Свекровь сидела на кухне, кормила младшего, старший в большой комнате делал уроки, почти ночью. Муж на диване, с газетой, периодически поглядывая в телевизор. Ждет её, чтобы поужинать.

– Ну що нового? – спросила она, глянув в зеркало все ли так с лицом и одеждой.

– Та що там, може буты нового, роботы до чорта, а зарплату знову затримали.

«Ну, ну, – подумала она. – Поэтому то ты сегодня и трезвый. Это где-то даже и хорошо, что задерживают. Завтра дам на обед и ни копейки более, а то опять нажрешся.»

– Ну що ты не змиг з дытыною зробыты урокы? Вже восьма година, а вин ще за уроками.

Раздражение начало подниматься в ней горячей волной. Вот ведь паразит! «Никогда не может заняться детьми. Ведь пацаны итак целыми днями один в школе на продленке, второй – в садике. Только к 5 часам приходят домой, а этот мудака после работы мог бы уже в полшестого быть дома, так нет, идет с коллегами в пивную, а если как сегодня, придет раньше, так будет валяться на диване, и пальцем не пошевелит, чтобы дома что-нибудь сделать. Считает, что, если живем с его мамочкой, то уж ему, как сыну, совершенно ни к чему заниматься домом. О, Господи, хоть бы Дядя, что-нибудь сделал с этой квартирой. В другой раз кажется, что сойду с ума, никто не хочет меня понять и поддержать, а уж о помощи и просить не приходится. Хорошо хоть свекровь дома сидит. Конечно основная работа по дому на мне, но хоть за парнями присмотрит.»

– Ну що ж, пишлы исты, – сказала она.

ГЛАВА 7

Сегодня я еду в командировку. Поездка далекая, в Межгирье. Я проектировала в этом небольшом городке АБК (административно бытовой корпус). Довольно большое здание, которое соединено с цехами. В нем размещаются бытовки, кабинеты администрации и столовая. Со мной едут сотрудники ОКСа, Игорь и Лина. Игоря я знаю, Лину не очень, но в общем то не проблема, познакомимся. Ехать долго, поездом. Я взяла с собой бутербродики, термос с кофой и с чувством полнейшей вооруженности заняла место в вагоне, у окна, в ожидании Лины и Игоря. Лина пришла первой, потому что приехала сегодня очень рано, заскакивала на работу за сметой. Игорь чуть не опоздал.

Наконец то поезд тронулся. Сначала говорить совершенно не хотелось. Мы с Линой кимарили, каждая в своем уголке вагона. Игорь сначала читал вчерашнюю «Комсомолку», а потом, заложив руку за руку, тоже задремал. Примерно через полтора часа сонливость прошла и мы дружно стали пялиться в окно. За окном со скоростью поезда бежали деревни. Я люблю рассматривать деревенские подворья. Надо сказать, что западноукраинские деревеньки довольно ухоженные и даже самые бедные дворы из последних сил стараются сохранить достоинство. В основном все сложено в порядке, проведено примитивное зонирование, как говаривали в институте. Зона складирования дров, выпас курей и гусей, подход к огороду, цветники и фруктовые деревья имеют свое место. Почти на каждом окне аккуратные занавесочки и горшочки с цветами. Влияние польской культуры несомненно. Попадаются и добротные дома. Очень редко, но можно увидеть домик, который мне понравился и в котором я бы жила. Хотя я знаю, что это невозможно. Жить в нашей деревне очень тяжело, даже на западной Украине. Конечно есть кое-какая инфраструктура, то есть транспорт, магазины, фельдшерские пункты, но это все в таком бедном и недоразвитом состоянии, что городскому человеку совершенно невозможно привыкнуть к этим деревенским «благам». А по сути, конечно, если бы было по-человечески, почему не жить? Мне нравится тишина и размеренность деревенской жизни, общение с живностью. Например кормление курей или кроликов, взращивание огорода, цветов, посадка кустов и собирание урожая. А вот, если спроектировать дом по своему, с большой столовой, кухней, камином? Что бы все было со вкусом и добротно. С деревянной лестницей на второй этаж, где уютные комнатки и хотя бы небольшая мастерская. Тогда – совершенная красота! Да чтобы фасад белый, как впрочем и интерьер, да крыша из красной черепицы! Хотя, наверное, рискованно так красиво жить в нашем бедном селе. Сначала село должно стать богатым и красивым, а тогда там жить. Иначе обзавидуются и подожгут дом-мечту.

– Давайте попьем кофey, – говорит Лина, перебивая мои мысли.

– А давайте, – говорит Игорь.

– А давайте, – говорю я, вынимая из сумки свой термос и бутерброды.

Кофе ещё горячий, с удовольствием отпиваю мой любимый напиток. Кто бы мог подумать, что ещё на третьем курсе я не брала в рот кофе и не любила его. Как сейчас помню, что первой кофой меня угостил наш лаборант Генка. Он пришел на кафедру архитектуры и сразу стал со всеми знакомиться. Я тоже попала в круг его внимания и поэтому была приглашена на кофey. Когда Генка узнал, что я не люблю и не пью кофey, удивлению его не было границ. Как он был прав! Как можно не любить этот чудный напиток? Просто удивительно. Что может быть лучше, чем чашка горячего кофе в компании приятных людей.

Лина, я вижу, несколько стеснена моим присутствием. Я знаю за собой такое свойство смущать малознакомых людей. Меня всегда это удивляло. Я стараюсь не умничать в новой компании, не распространяться о себе любимой, умею слушать, тогда почему смущение? Единственной, как мне кажется, причиной, как ни странно, может быть моя специальность. Не знаю почему, но люди смущаются, когда слышат, что я архитектор. Наверное потому, что думают

об архитекторах, как о каких-то неординарных людях. Я считаю, что это неправильно. Моя специальность, как любая, собирает разных людей. Конечно есть гении, или может не гении, но очень талантливые, как мой сокурсник Вовка Ванюшин, но в основном это средние способности и средние умения. Кроме творческих людей есть и случайные, правда их значительно меньше, чем скажем в педагогическом или на бухгалтерских курсах, потому что поступление и учеба на архитектурном предполагает все же хотя бы небольшие, но способности. Это наблюдение как бы изнутри профессии и моё личное. А основная масса людей на нас смотрит со стороны и им кажется, что мы талантливые и необыкновенные все поголовно, но это не так.

Тем не менее мнения о элитности бытует и даже простые ситуации и вещи в руках архитекторов кажутся необычными. Например моя приятельница Люда, когда узнала, что я архитектор, стала вспоминать институтских ребят архитекторов, с которыми она была знакома. Её восхищение выразилось в том, что ей нравилось, как они носили шарфы, не так как все, а богемно. Ну не смешно? Другую мою знакомую всегда восхищало, что архитекторы ходили с этюдниками, которые на самом деле очень тяжелые и ношение их предполагалось только в крайних случаях. Моя родная сестра нравилась некоторым мальчикам из моей группы. Однако она считала, что ничего не может получиться. На мой вопрос: «Почему?», ответила, что слишком стесняется что-нибудь сказать в их присутствии, потому что они такие остроумные и смешливые, что она просто не переживет, если попадет в просак.

Видать и Лина не составляет исключение. Интересно, что во мне её смущает? Может то, что я тоже ношу шарф? Или, может, этюдник, который я один раз принесла на работу. Отдел ехал за город и я думала порисовать (не удалось). А может то, что мы с девчонками смеёмся на перерывах, имею склонность похохмить, но только со своими, в узком кругу и без обид. Какой бы причина не была, но Лина упорно молчала, пила кофе, смотрела в окно и разговор, очень вяло, велся между Игорем и мной. Правда в свете последних событий, Игорь тоже был какой-то сам не свой, но его здравый смысл победил и мы уже начинали все веселее трепаться. Он рассказал пару анекдотов и Лина, как-то повеселела. Как ни странно, но настроение стало ещё лучше, когда поели бутербродов, моим, с докторской, было далеко до Лениных с ветчиной. Вообще благодатное влияние вкусной еды уже было исследовано, но мы об этом ещё не знали, а просто настроение стало хорошим и все тут.

На вокзал в Межгирье мы приехали друзьями. Оказывается нас ждал и встречал сам директор филиала Иван. Я говорю так фамильярно, потому что я его помню по институту. Хотя он и был директором филиала министерства электронной промышленности, но Иван окончил строительный факультет, учился на вечернем. Мы крайне редко пересекались с вечерниками. Однако я, как ни странно, пересеклась.

У нас был большущий проектный зал, в который ходили все, у кого не было возможности работать дома. И так случилось, что мы с Иваном примерно в одно время делали курсовую. Знакомство было шапочным, привет-привет, но он мне запомнился. Парень был неординарно красив. У него были такие синие глаза, что не обратить внимания невозможно. Мало того, что глаза голубые, ещё и лицо смуглое и волосы темные, поэтому взгляд был просто ослепительный и поражал как лезвие бритвы своей остротой и синевой. Не обидел бог и фактурой. Рост выше среднего и природная статность, делали этого парня очень заметным.

После института прошло более десяти лет, но он изменился до неузнаваемости. От былой стати и красоты остались только синющие глаза. И лицо, и тело представляло сильно пьющего человека. Конечно моя констатация осталась у меня в голове. Мы приветливо поздоровались, сели в новенькую «Волгу» и поехали с ветерком.

Не откладывая, сразу же на объект, каждый по своей теме. Филиал, надо сказать, был в хорошем состоянии. Строительство АБК продвигалось, уже сделали перекрытие над третьим этажом и стало видно, что корпус получился компактный и функциональный. Небольшая перепланировка, из-за которой я приехала, не вызвала со стороны прораба сильных возражений.

Прораб оказался толковым парнем, согласился с моими проектными предложениями. Может потом ничего и не сделал по моим замечаниям, кто знает? Я больше в Межгирье не была. Игорь и Лина не смогли согласовать изменения по смете, поэтому пришлось оставаться на следующий день.

Иван пригласил нас на ужин в ресторан. Оказывается, что межгирский филиал был очень любим львовским начальством именно из-за этого ресторана, который имел свое рыбное хозяйство и все приезжающие, особенно львовяне, могли отведать жареного карпа. Иван любезно угощал нас. Лину и меня поил белым вином, а сам с Игорем с удовольствием пил водку. Разговор за столом крутился вокруг филиала, строительства, заводских львовских сплетен. Поскольку тема была всем понятна и близка, вечер получался непринужденный и симпатичный. Как хороший хозяин, Иван, после ресторана, пригласил нас к себе домой, на чашку кавы.

В Межгирье все рядом, поэтому, чтобы попасть на чашку кавы, достаточно было перейти через дорогу. Квартира Ивана оказалась в новом доме. Трехкомнатная, довольная большая, с хорошей мебелью. Расположились в гостиной. Иван быстренько сварганил кофе, вытащил из серванта коробку львовских конфет «Золотая нива» и закарпатский коньяк. Разговор стал ещё более откровенным. Оказывается жена Ивана уже пол-года не живет с ним. Уехала к матери во Львов. Но никакой жалости ни в голосе, ни в лице не промелькнуло. Оказалось, что он висит на волоске. Начальство вроде и довольно его работой, но все чаще спрашивать стало за пьянство. Уже несколько испытательных сроков прошло и теперь, как стало понятно, шел последний.

Печальное это зрелище, деградация человека, особенно, если помнишь его молодым и синеглазым. Бессвязные речи Ивана стали раздражать. Игорь старался скрасить поведение пьяного Ивана. Начала нервничать Лина. Её поведение становилось просто неучтивым. Она пару раз сказала что-то нелicenseприятное типа «пить надо меньше», но Иван уже выпал из нормы воспитанного человека, сидел свесив голову, и не реагировал на колкости. Игорь посоветовал нам идти в гостиницу, а сам остался.

Мы опять перешли через дорогу и попали в заводскую гостиницу. Гостиница была маленькая, всего пять номеров. Нас поселили с Линой в одном. Помылись, привели себя в порядок, на сон грядущий, и улеглись. Спать не хотелось. Вдруг ни с того ни с сего Линка стала извиняться. Я сначала и не поняла, по какому поводу. Оказывается за те слова, что она сказала Ивану. Я, конечно, её успокоила. Мне было понятно её раздражение, тоже не люблю пьяниц. Она посмотрела на меня внимательно и сказала, что не любить чужих пьяниц просто, а вот когда у тебя свой пьяница, то просто черти берут.

– Я представляю каково его жене, если несмотря на достаток, все бросила и уехала. Что за идиот! Все есть, на такой должности, одно условие не пить и не может держать себя в руках, – негодовала Линка.

– Да ладно заводиться, ну чего ты? В конце концов хозяин — барин. Я его знаю по институту, помню каким он был десять лет назад. Вот ты бы удивилась, если бы могла сравнить его сегодняшнего с институтским. Я, когда его увидела на вокзале, чуть не охнула. У него теперь лицо Сатира.

– А это ещё кто такой?

– Да есть такой мифический греческий герой, которого скульпторы изображают морщинистым и страшным.

– Вот посмотреть бы! Показала бы своему идиоту. Ты думаешь, что я просто так завожусь. Имею право, потому что свой такой, через десять лет, если доживет, тоже будет, как там ты говоришь?

– Сатиром.

– Да, Сатиром, если не перестанет пьянствовать. Да разве он меня слушает? Чуть ли не каждый день нахляный.

Тема видать была актуальной. Лину невозможно было остановить. «Да, – думала я, – что этому мужику не хватает? Красивая, двое детей. А, может, в нем живет чувство неполноценности? Интересно посмотреть как он выглядит? Сомневаюсь, что под стать Лине».

Лина, настоящая украинская порода. Черноволосая, чернобровая с иконописным лицом, хорошей кожей. Фигура на зависть многим. Большая грудь, стройные ноги, уже в теле, но ещё не разъелась. Работа, ранние подъемы и переезды, держат фигуру в форме. Трудно располнеть, если ешь в столовой, все время думаешь о работе или о семье. По себе знаю.

– Да я тебе скажу, я уже давно бы с ним разошлась, если бы не хлопцы, – не унималась Лина.

– Это ты правильно думаешь. В нашем отделе есть Слава Кусько, ты её с виду знаешь. Так вот она разошлась. Мне кажется, что она когда-нибудь протянет ноги от перенапряжения.

– Да вот я и думаю, что самой мне не потянуть. Да и его мать живет с нами, хоть ничего не хочет делать, все на мне, так хоть за хлопцами приглянет.

– И на том спасибо, – отозвалась я, чувствуя, что засыпаю.

Утро было замечательным. Выспавшиеся, подкрашенные и позавтракавшие, мы сидели у Ивана в кабинете. Он всё не шел. Секретарша периодически заглядывала и объёживала, что начальник уже на подходе. Мы успели рассмотреть весь кабинет, сходить в ОКС, попить каву. Наконец, в пол-десятого, явился Иван, с лицом невыспавшегося Сатира. Он стремительно прошел к графину с водой, выпил два стакана подряд одним духом и налил третий. Как говорили у нас в институте: «В пьянстве замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду». Потом начал расшаркиваться и извиняться так активно, что стало не по себе. Памятуя нашего непьющего Большого Гарри, было странно видеть начальника в униженном состоянии. Мы дружно делали вид, что у нас временная амнезия на вчерашнюю попойку. Игорь панибратски заверял:

– Все нормально, Иван, все нормально!

Да и правда, все нормально. Что нам! Мы в час дня сядем в поезд и уедем, а он останется со своим испытательным сроком, со своим пьянством, со своей большой и красивой квартирой, без жены. И скорее всего без друзей. Потому как какие друзья у запойного начальника? Настоящий друг, если и был, уже устал бороться с запоями, а прихлебай, которые при каждом начальнике трутся, уже поразбежались, потому что ни для кого не секрет, вот-вот придет конец испытательному сроку и придет новый шеф. Так стоит ли прогинаться перед этим пьяницей?

В поезде Игорь попытался живописно рассказать о продолжавшейся попойке после нашего ухода, но Лина строго сказала:

– Ну хватит, противно слушать, сразу видно, что ты мало знаком с этой темой. Если б ты знал, что это такое пьющий человек, то у тебя не было бы такого восторга.

Игорь растерянно посмотрел на Лину потом на меня и замолчал.

Тема пьянства всегда была на первом месте в нашем обществе. Пили все.

– Кто я такой, чтобы не пить? – говорил Жванецкий.

И это правда. На моих глазах спивались хорошие парни и девчонки. Может надо быть более непримиримыми, чтобы заломать их, пьниц. Но, как ни странно, к пьяницам всегда было отношение как к больным или капризным детям. Когда я работала в проектно-институте, не прийти на работу без оправдательного документа, мог только пьяница. Если заболел ребенок, тащись к врачу, будь любезен больничным. А вот, если 5 дней на работу не пришла очень пьющая Элла, надо войти в положение...

ГЛАВА 8

Сегодня суббота. Дел дома не в проворот, но кому интересны мои дела, да ещё дома. Надо ехать на работу, кое-что поменять в чѐртежах, чтобы в понедельник выдать задание смежникам и спокойно отвязаться от этого объекта. Пусть ищет крайних в других группах. Я сначала не планировала выходить на работу, но позвонила Динка и сообщила, что в мое отсутствие уже поднимался вопрос об исправлениях и мол дело за мной, надо меня поторопить и т. д. С одной стороны тоска уходить из дома, когда и дети, и муж дома, а с другой хорошо. Троллейбус пустой, приехать можно и к десяти. По дороге можно зайти на каву и спокойно постоять, выпить кавы и съесть кексик. Примерно через час спокойно вхожу в отдел. Оказывается я не одинока в своем желании отдать государству нерабочую субботу. На столе у Большого Гарри разложены бутерброды, а в углу шипит чайник. Начальство с сопровождающим лицом готовится перекусить. В отделе никого, видно опять занимаются в архиве документами. Архив небольшое и темное помещение, в котором сложены все наши чертежи. Кроме того это очень хорошее место для всяческих конфиденциальных бесед и встреч.

Мое место далеко, в конце зала, у окна, сразу и не поймешь есть я или нет. Большой Гарри и Настя возбужденно перетирая какую-то тему, вошли в зал. Пришлось выйти из-за кульмана и засветиться, чтобы не подумали, что интересно слушать их сплетни. Большой Гарри перекусил, при чем все время было слышно, как Настя предлагала съесть ещё кусочек, на что он мило-стиво соглашался. Потом долго пили чай, о чём-то шептались и наконец-то засели за работу. Примерно в час дня Гарри начал каждые полчаса хлопать дверями, выходить на перекур, а потом во всеуслышание объявил, что идет домой. Настя тоже засобирилась. Наконец-то ушли. Ну и слава богу, через полчаса после них и я пойду домой.

Я не очень люблю оставаться одна в этом огромном пустом зале. Везде тишина. Что-то где-то поскрипывает, в другой раз что-то щелкнет, а то и совсем непонятный звук, то ли кто-то вздохнет, то ли передвинет какой-то предмет. Вдруг я совершенно отчетливо услышала как в отдел кто-то вошел. Судя по шагам далеко не стал заходить, а остановился у стола большого Гарри. Пошуршал бумагами на столе, и слышно стало как полез к ящикам. Стараясь не шуметь, долго возился, видно не мог подобрать ключ, но потом все же открыл ящики и затих. Я тоже затаилась. «Вот, – думаю, – а если ему придет фантазия пройтись по залу и посмотреть есть ли кто-нибудь, ведь зал открыт». Неизвестный дальше возился у стола. Так прошло с полчаса, а может меньше. Потом она или он вздохнул и стал закрывать ящики стола. Отодвинул стул, немного постоял, ещё раз вздохнул и пошёл на выход. Чѐрт возьми, столько страха натерпишься! Всѐ! Собираюсь домой. В коридоре никого. Двери не только надо закрыть, но и опечатать. Пренеприятное чувство вдруг охватило меня. А вдруг меня этот кто-то увидит и догадается, что я могла слышать как он рылся в столе? А с другой стороны, какие могут быть секреты у Гарри в столе? Но ведь шеф закрывает стол, значит может в столе что-то и спрятать. Пока я возилась у двери с печатью, услышала, что где-то совсем рядом скрипнула дверь. Надо быстренько сматываться, отдать ключ на проходной и бегом домой. Когда буду отдавать ключ, может увижу какой ключ отсутствует? Кто сегодня выходил на работу?

Вахтер кимарил на своем рабочем месте и я могла присмотреться к доске с ключами. Вроде из ОКСа не было ключа, то есть из Линкиного отдела, надо будет спросить, может знает, кто у них работает по субботам.

ГЛАВА 9

В понедельник с Солей, в обеденный перерыв, зависали на кофе. Решался вопрос стоит или нет ей дальше встречаться с «человеком». У него как оказалось много хороших качеств и двое детей. Я не люблю быть совестью одиноких женщин, но в глубине души считаю, что из таких связей ничего хорошего не получается. Как-то не поворачивался язык сказать, что я не поддерживаю Солино увлечение. Поэтому говорила в основном она, а я слушала. Встречи длились уже прилично, может с полгода. «Человек» каждый раз клялся в любви до гроба, но Соля, как здравомыслящая женщина, не верила заклинаниям.

– Ты представляешь, он говорит, что жена фригидная корова, а сам гуляет. Я ж не идиотка вижу как он таращится по сторонам, когда мы ходим в людные места.

– Ну так на тебя в людных местах тоже таращатся, я свидетель.

– Да брось ты, кто там таращится какие то старперы и малолетки. Хотя бы раз, что-нибудь порядочное потарасилось.

– Ну вот и случай подоспел. Ведь Владик по твоим словам человек при деле.

– Да при деле, но все же двое детей...

Я, конечно, не сомневалась, что для неё это камень приткновения. Двое детей- это серьезно, повыпендриваться можно, ну а дальше? Вопрос риторический. Так мы стояли, ломали голову, а тут как тут и Линка.

– Вот уж явление! Ты разве сюда ходок? Никогда не видела тебя здесь.

– А я тебя искала. Зашла в отдел, а мне и говорят, что в обед ты или в столовке, или на кофе. В столовку не пошла, далеко. Думаю а вдруг на кофе? И попала. Имею на тебя счастье.

– К счастью ли?

– К счастью, к счастью, – засмеялась Линка

Она примостилась за нашим столиком и огляделась вокруг.

– Так здесь все наши, я и не думала, что это сугубо наш змеёвник.

– Да нет! Это только в перерыве наши тусуются, а так обычно пусто, слишком далеко от пассажиропотоков, – блеснула Соля.

Линка глянула неодобрительно на Солю, мол, что это за умничание не по делу.

– Ну как дела? Что у вас новенького, – решила я сменить тему. – Я в субботу выходила, так неохота было после командировки. Эта мода «а ля» Большой Гарри, дневать и ночевать на работе, просто задрала.

– Да я наслышана. Вас нам ставят в пример, мол, люди горят на работе, а вас не загнать, думаю и не загонят, – опять засмеялась Линка.

– Так ваши категорически не бывают по выходным на работе?

– Во всяком случае сколько здесь работаю не слышала, чтобы кому-то пришла в голову такая шальная мысль. Вообще то у меня к тебе дело.

– На миллион?

– По работе.

– Да, на нашей работе на миллион не бывает, – опять встряла Соля и опять получила неодобрительный взгляд Линки.

– Ладно, я пойду, – сказала Соля и, добродушно помахав ручкой, отчалила в направлении работы.

– Ну и что за дело? – спросила я

– Да это я так, что бы Соля отвалила, – сказала Линка.

– Ты напрасно, она очень даже ничего, умеет язык держать за зубами, да и вообще милая.

– Может быть, может быть... – задумчиво проговорила Лина.

Прогуливаясь, мы прошлись по улицам, которые прилегали к заводу. После того как завод захватил почти все дома, которые его окружали, территория почти что стала заводской. Жилые дома были переоборудованы в заводскую поликлинику, в бухгалтерию, в кабинеты для сотрудников, которые не были заняты в секретном производстве. В этом была своя прелесть, потому что приход и уход не контролировался проходной. В одном из этих зданий находился и наш отдел множильной техники, в котором работал Толик. Я опять вспомнила Толика.

– Слушай, ты там ближе к начальству, не знаешь, что-то слышно об исчезновении Толика?

– Да вроде бы милиция занимается дальше. Мне Дмитрий Сергеевич как-то говорил, что его расспрашивали, как начальника ОКСа. Да и вашего Германа Анатольевича вызывали. Перед своим исчезновением Толик заходил в приёмную к Дмитрию Сергеевичу, спрашивал у Мыроси нужно ли записываться на прием или просто можно зайти, чтобы поговорить. Мырося хотела его записать, но он сказал, что придёт в понедельник.

– Говорят, что в пятницу утром он искал и Германа Анатольевича, заглядывал в отдел, но того где-то носило и он сказал, что зайдет позже. Да— а— а— а, дела. Тайна какая то. Просто всё непонятно.

– Его мать, говорят, ходила к гадалке. Она не сказала, ничего конкретного, может мать пожалела, а может, что увидела страшное, но мать так ничего и не узнала, —внимательно заглядывая в витрину, сказала Лина.

Я тоже заглянула и увидела черную «Волгу» начальника нашего ОКСа. Мне показалось, что рука Лины, которой она держалась за меня, дрогнула. Я глянула на неё, она на меня. Проходя мимо машины, мы увидели, что Дмитрий Сергеевич приветливо улыбается. «С каких это пор он нам улыбается? – подумала я». Хотя ходило мнение, что это ещё тот бабник. Окно плавно открылось, он высунул свою лысую голову и приветливо поздоровался.

– Какой вежливый у нас начальник, – сказала я Лине и её рука опять дрогнула.

– Да, вежливый, – сухо сказала она и ускорила шаг.

Через пару дней Линка зашла опять. Присела около меня, закинула ногу за ногу и принялась рассматривать журнал, который лежал на столе. Она сидела, листала журнал, а я чертила. Гарри прошел мимо Лины. Зная его хамство, я ожидала выпада по отношению к Лине. Он не переносил, когда у нас сидели из других отделов. Не тут то было. Очень вежливо поздоровавшись, Гарри поинтересовался как её дела. «Просто удивительно. Он никогда не станет так вежливо расшаркиваться, видно набирает лишние баллы перед сотрудниками других отделов». Лина просидела до самого обеда. Она прошла с гордо поднятой головой мимо Большого Гарри и он опять подобострастно улыбнулся. «Величественная Линка, – подумала я. – Даже Гарри засмутился». Как это он: «Здравствуйте, как ваше здоровье?» А может человек меняется в лучшую сторону?

– Линка, ты производишь неизгладимое впечатление на моего начальника.

– Да уж подхалим изрядный, – вдруг резко сказала она.

Прошло несколько месяцев. Лина стала почти своим человеком. Она привыкла ко мне и стала звонить даже по субботам. Бывало, что мы брали детей и ходили гулять. Пару раз я с детьми ездила к ней в Стрый. Увидела её мужа и мысленно согласилась с Линкой, пьяница. Всегда неприветливый, какой-то взъерошенный, постоянно непонятно чем занятый по воскресеньям. Поэтому, бывало, Линка приезжала ко мне и без детей, по выходным, и мы с ней шли в город только вдвоём. Так было и в тот раз. Мы возвращались из города и вдруг около нас остановилась машина. Да это же «Волга» нашего Дмитрия Сергеевича! Он вышел из машины и любезно с нами поздоровался.

– Куда милые дамы путь держат? – витиевато спросил он.

Я совершенно обалдела уставилась на него и не нашла, что ответить. Зато Линка проявила завидную смелость:

– Дамы идут с прогулки.

Я удивленно посмотрела на неё. А она как ни в чем не бывало стала общаться с Дмитрием Сергеевичем. Они стояли и говорили о какой-то Марии Васильевне и вдруг мне стало ясно, что эти люди хорошо и давно знают друг друга. Теперь понятно почему она Большого Гарри назвала подхалимом. Да он тоже в курсе каких-то их отношений, не иначе. Настя хорошо контролирует ситуацию в отделе и в строительной службе. Кроме того у неё сестра замужем за одним из наших шефов, поэтому она много знает такого, что нам и не снилось. А Дмитрий Сергеевич вдруг ни с того ни с сего сказал:

– Милые дамы, разрешите вас пригласить на обед?

– Соглашайся, Жанка, пойдем покушаем, салатик «оливье», отбивнушку, так есть захотелось.

– Соглашаюсь.

– Ну вот и славненько, – сказал Дмитрий Сергеевич и широко открыл двери машины.

Как и говорила Линка все началось с салата «оливье», потом отбивнушки, потом десерт и шампанское. Через пару часов довольные и немного пьяненькие, мы вышли из ресторана. Чтобы не утомлять своим присутствием, я заторопилась домой. Мило распрощались и я побежала на автобус. Оглянувшись, увидела как Линка села в машину и покатила в неизвестном мне направлении.

– Теперь ты меня понимаешь? – без предварительного вступительного слова, в лоб, спросила в понедельник утром Линка.

– Да, ты умеешь удивить, ничего не скажешь.

– Я тебя люблю, Жанка, знаю, что не будешь меня ни к чему призывать и ничему поучать.

– Почему ты мне ничего не сказала раньше?

– А зачем? Я была уверена, что всё само собой решиться.

– Так вчера ты это подстроила?

– Ну не совсем, но мысль познакомить тебя с Дядей не покидала меня. Не вчера, так в какой-нибудь другой раз, но всё равно ты б всё узнала. Мне стало как-то легче, что ты знаешь.

– Да уж.

ГЛАВА 10

Наконец-то пришло лето! Как я люблю эту замечательную пору года. Теперь можно вставать на полчаса позже, потому что дети остаются дома. Их каникулы – это мои каникулы. Что за прелесть налегке выбегать на работу, легко втискиваться в троллейбус. Неудобство в том, что каждый час-два надо звонить домой и спрашивать, что они делают. Аленке уже – 13 и можно на неё положиться. На редкость положительный ребёнок. Сашке – 8, конечно как все мальчишки чудит, но в рамках дозволенного и пока слушает Алёнку. Теперь надо решать проблему с тем, чем их занять летом. Конечно не на три месяца. Один месяц я посвящу поездке с детьми куда-нибудь. Наверное в Прибалтику. Наш завод имеет возможность нанимать для сотрудников квартиры у местных жителей в Паланге. В прошлом году в Прибалтику ездила Соля, ей понравилось. Это один месяц, а каникулы три. Что с ними делать два месяца? По дороге меня осеняет мысль о пионерском лагере. Вот и выход. У завода свой пионерлагерь в Солнечном. Мы даже там проектировали бассейн. Надо будет поспрашивать, что собой представляет этот пионерлагерь. И есть ли ещё путевки?

В обеденный перерыв поднимаюсь этажом выше. Здесь расположился профком. Такой же зал, как наш проектный, только в нем сидит одна дама, а в нашем зале – 27 человек. Профкомовка занята, беседует с какой-то женщиной. До меня доносятся обрывки фраз «я узнаю», «попробуем помочь»... Я с интересом поглядываю в их сторону и думаю о том, долго ли ещё ожидать конца беседы.

Придется поизучать стенды, которые делались в нашем отделе у оформителей. Вот на снимке сам главный профкомовец. Довольно молодой парень, кудрявый до неприличия, с располагающей улыбкой. Говорят злые языки, что очень себе на уме. Соорудил себе уже и «Волгу», и импортную мебель, и всякую аппаратуру, никак, правда, не может выбить квартиру. Видно не хочет ехать в район новостроек, они действительно у чёрта на куличках, а в хорошем районе, поближе к работе, видать, не получается. Вот директор нашего завода. Только недавно показали мне как он выглядит. А выглядит холёно, уже возрастной, довольно подтянутый, хорошо сидит костюм. И вообще видно, что привык к объективу, знает как встать, как посмотреть, чтобы соответствовать. Про него злые языки говорят, что ходок. Да и немудрено. Какая же заводская женщина устоит перед его деньгами и импозантной внешностью. В настоящее время у него, говорят, новая пассия, начальник планового отдела. Наверное чуть моложе меня, года 33, но уже разобралась что к чему, хотя на заводе совсем недавно. Она тоже на фото. А как же! Приятно показать, какая у тебя молодая любовница. Я её тоже знаю, потому что она, как говорит наша Галына, путалась с нашим Большим Гарри. Он у нас многостаночник. Настя уже привыкла, что периодически ныряет в параллельные миры.

Потом пошли фотографии с объектов культурного и социальнобытового назначения, как будто бы профком проектировал, строил или эксплуатировал все это. Для профсоюзов характерно гордиться тем, к чему они не имеют отношения. Их задача заступиться за работающего человека и быть на страже его интересов, а не на каждом шагу подчеркивать свою любовь к большим и сильным. Я не помню ни одного случая, чтобы решение профкома шло в разрез с решением начальства. Эта придворная братия видит свою работу в том, чтобы раздать нужным людям всё нужное и лучшее: хорошие путевки, импортные товары. Рядовой сотрудник хороших путевок никогда не получит, всегда ответ: «Надо было прийти раньше». Импорт, который поступает на завод, конечно делиться так, чтобы не дай бог не обделить себя любимых, начальство и их близсидящих и близлежащих. Так что недорогие путевки в Палангу и в пионерлагерь, я получу, эти путевки не котируются, потому что условия пребывания оставляют желать лучшего.

Слышу звук отодвигающегося стула и оглядываюсь. Аудиенция у профкомовской дамы окончена и оказывается женщина, которая собирается уходить, мать Толика. Толик, когда то меня с ней познакомил, и я здороваюсь. Глаза у неё полны слёз, она вытаскивает скомканный платочек из кармана большущей кофты. Я подхожу ближе и прошу её подождать меня, потому что хочу выразить ей сочувствие и вообще поговорить. Она охотно соглашается и присаживается неподалеку. Как я и предполагала получила всё, что хотела и без труда. Путевки в пионерлагерь на июнь и август, а на июль курсовку на троих в Палангу. В пионерлагерь с 30 процентной скидкой, а в Палангу скидку 30 процентную дали только мне, а детям за полную стоиммость. Платить буду через бухгалтерию, потому что это довольно круглая сумма, но учитывая отпускные, потяну.

– Ну, здравствуйте ещё раз, – говорю я маме Толика. – Давайте я вас проведу и заодно поговорим. Может, что новое о Толике?

– Ничего. Никаких изменений с тех пор, как Толик пропал. Уж куда я только не ходила. Даже ездила в Почаев, молилась за его душу. Хотя гадалка, у которой я была пару месяцев тому, ничего толком так и не сказала. Сказала придти через какое-то время. Вот соберусь с духом и пойду. Моя подруга не верит во всё это, а сама идти никак не решусь.

– Могу пойти с вами.

– Да?

– Ну да, хочу хоть чем то вам помочь.

– Спасибо.

– Вы держитесь, – сказала я расхожую фразу и стало самой противно, но так хотелось её поддержать, а как назло ни одной умной мысли в голове.

– Не очень получается. Я два месяца болела. Подруга посоветовала пойти в профком, попросить материальную помощь. Я ведь тоже работаю на заводе.

– Да что вы! – искренне удивляюсь я.

– Я здесь уже 25 лет, – говорит она. – Пришла на завод девчонкой. Сначала посадили на пайку, а потом перешла в гальванический цех, там дают молоко и надбавка за вредность.

Как-же, знаю гальванический. Динка и я делали какую-то этажерку в гальваническом и пошли посмотреть, на место, как лучше её поставить. Форма одежды у нас цивильная, без халатов и спецовок, поэтому работающие там женщины приняли нас за дам из месткома. Видно жаловались на условия работы и подумали, что соизволили отреагировать. Женщины окружили нас и стали жаловаться, что не работают вытяжки. Это совершенно недопустимо, ведь в этих цехах очень вредные испарения. Было видно по женщинам, у них землистые лица и проблемы с дыханием.

Так Толика мать почти моя ровестница! По самым скромным подсчётам сорок с небольшим, а мы все держим её за старушку. Теперь, когда я пришла к такому выводу, стало интереснее с ней говорить и я более внимательно её рассмотрела. Аккуратная фигурка, красивый овал лица, большие серо-голубые глаза, похожие у Толика, только у него синее. Несмотря на работу во вредном цеху, хорошие зубы. А вот помню у Толика зубы были никуда. Он когда-то мне жаловался, что идет от зубного, ему обпиливали зубы, чтобы поставить два моста, передний и боковой. Звать её Лена, что совсем непонятно. Может она сама модифицировала свое имя, не будешь спрашивать, но по акценту слышу, что русский для неё не родной язык, хотя хороший запас русских слов и довольно свободно говорит.

– Я вот все думаю, что такое он знал или видел? – сказала вдруг Лена.

– Да я думаю, что всех это интересует. Какая-то мутная история.

– Когда ж он успел в неё влезть, ведь не ахти сколько проработал. Занимался зубами, вы знаете, у него были плохие зубы, весь в отца. Кроме того хотел поступать в Политех, собирал учебники, он неплохо учился в школе. И вот на тебе... – опять заплакала Лена.

Мне было её невыносимо жалко. Действительно, я знаю, что Толик у неё был единственный сын. Муж не то умер, не то разошлись, она растила Толика сама. И вот такой удар. Судьба несправедлива. Куда бы Толик не влез, он должен был остаться живым. Хотя бы ради Лены.

– Ну так что, вы со мной пойдете к гадалке? – робко спросила Лена.

– Пойду. Давайте через неделю, мои архаровцы уедут в пионерлагерь, будет посвободнее и пойдём. Хорошо?

– Спасибо вам, Жанна, это меня как-то поддерживает, я вам обязательно позвоню.

На этом мы разошлись. Я оглянулась ей вслед и подумала, что у Лены и ноги красивые и даже бесформенная кофта не портит её изящную фигуру.

ГЛАВА 11

– Дорогие дети! Хочу вам сообщить, что завтра вы едете в пионерский лагерь в Солнечное.

– А мы не хотим, – дружно заорали мои архаровцы

– Что я там буду делать, – занял Сашка. – Я никого там не знаю.

– Ну так узнаешь.

– А что брать с собой? – спрашивает Алена.

Она знает меня, если уже объявлена поездка, то она состоится, хоть бы «падали пеньки», как говорит наш папа.

– Давай сделаем так. Ты собираешь вещи, которые считаешь нужными, зовешь меня и мы обсуждаем, что брать, а чего не брать.

– Хере, – соглашается дочка и быстренько исчезает в своей комнате.

Сашка носится по квартире и сбивает спокойный ритм наших сборов.

– Слушай, пойдی погуляй во двор, я видела мальчишки играют в футбол. Только прошу тебя не лезь в лужи или ещё куда-нибудь. А то в прошлый раз приходила мать Артёма и жаловалась, что ты его уговорил залезть в бочку и он пришел домой весь в краске.

– Никто его не уговаривал. Я залез в бочку, в засаду, а он полез за мной, —сообщает Сашка, и быстренько намылевается на улицу, только двери хлопнули.

Было слышно, как заработал лифт. Сашка любит наш двор и охотно мотается с мальчишками в футбол, а зимой в хоккей. Артём его дружок со второго этажа. Они даже чем-то похожи. Но, когда они вместе, то верховодит Сашка. Вот и с этой бочкой. Рабочие что-то красили во дворе суриком, да так и оставили бочку в месте, которое обычно используют мальчишки для своей игры в войнушку. Ничего умнее, чем спрятаться в бочку, вернее в засаду, Сашке не пришло в голову. Я бы никогда не пошла выяснять к матери ребенка, почему другой ребёнок уговорил залезть в бочку. А вот мать Артёма пришла за объяснениями и мне полчаса пришлось оправдываться, что Сашка тоже пришел грязный и что я с ним проведу родительскую беседу.

Без Сашки работа пошла споро. Примерно через полчаса Алёнка позвала на смотр вещей.

– Оперативно, – говорю я и захожу в дочкину комнату.

Куча довольно большая.

– Ты что собираешься там зимовать? – показываю на кучу.

– Ну почему? Там все, что мне надо, – оправдывается практичная Алёнка.

– Ой ли, – говорю я и начинаю перебирать вещи.

В куче оказались теплющие штаны, свитер из овечьей шерсти, который дедушка привез из Карпат, лыжные ботинки, для походов, даже длинный теплый шарф. После логических размышлений куча стала вполовину меньше. Потом мы с Аленкой быстренько собрали Сашкины вещи и начали решать во что бы это всё сложить. Алёнка резонно предложила всё сложить в одну сумку. Если Сашке будет что-то надо, то он придет к ней. Она пойдет с ним в камеру хранения и достанет нужную вещь. А для небольших и подручных вещей решили использовать кульки, в которых носили в школу спортивные формы. Всё было готово.

Завтра под завод приедет автобус и заберёт всех детей. Их отвезут в лагерь, распределят по отрядам, а в родительский день я приеду и посмотрю, как они устроились.

Утром, как говорится, весёлые и счастливые, мои дети стояли у завода, в ожидании автобуса. Мальчишек и девчонок оказалось предостаточно, во всяком случае все места в автобусе были заняты, когда я с последними напутствиями зашла. Здесь были и Настины племянники примерно того же возраста, что мои дети. Они тоже решили ехать автобусом, хотя у них машина. Наконец-то все расселись и автобус тронулся. Дети уехали.

Я чёртовски устаю от Сашки с Алёнкой, да ещё работа, но когда они уезжают к бабушке или в лагерь, или куда-нибудь без меня, всегда за ними скучаю. Они ещё и до лагеря не доехали, а я уже начала тосковать.

Так с мыслями о уехавших детях, я сидела на рабочем месте, когда за кульман заглянула Динка.

– Ну что отправила своих красавцев?

– Да, уехали.

– Хоть отдохнешь, устройте себе с Олегом медовый месяц.

– С твоим Олегомстроишь, его нет, он на съемках, в поле.

– А— а— а, – протянула Динка, она в курсе, что Олег геодезист и летом часто на изысканиях и я мотаюсь одна с детьми.

– Не медовый месяц так хоть посплю. Смогу лечь пораньше, встать попозже и не вызывать каждые два часа домой.

– Это кто ж там мечтает поспать? – объявилась Соля. – Мечта идиота, потому что несбыточна. Я сколько раз пытаюсь поспать, когда нет моей Ируськи, ничего не получается. Проснусь в пол-седьмого и тарашусь в потолок до восьми, а потом встаю, что валяться.

Консилиум затянулся, пока Большой Гарри громко не объявил, что сегодня после работы все остаются на собрание. Интересно, какая тема? Скорее всего будет делить премиальные. Это конечно громко сказано, что будет делить. На самом деле уже всё поделено так, как ему хочется, а нам просто будет объявлен результат. После объявления результатов такой дележки, он хищно ждет, кто с кем будет выяснять отношения. Ничего нет хуже. Но это факт, который заметили все более-менее проницательные сотрудники. Мой друг Михайло когда-то резонно подметил:

– Хочешь посмотреть, что собой представляет человек, дай ему поделить деньги. А на другого посмотреть, когда его обделили.

А наблюдательная Слава Кусько с презрением отозвалась о нашей сотруднице, у которой высокопоставленный муж:

– Я тобі скажу, Наконечна, що николи не думала, що вона така захланна. Я розумію, якби щось сказала Соломія, або навіть Галына. Жінки без чоловіків. А ця... Выясняты видношення за десять карбованців, николи б не подумала, якби сама не чула...

Да, что и говорить – это права. Чем богаче, тем скуперее – аксиома.

В обед забежала Линка и предложила вечером пройтись с заходом на 50 грамм. Ведь премиальные. Пришлось сообщить, что у нас только намечается дележка, так что вряд ли получится.

– А я скажу Дяде, чтобы он невзначай зашёл и предложил свернуть побыстрее весь этот маскарад с мнимым народовластием. И так ничего не высидете, а смотреть как Гарри ломает Ваньку, кому охота?

Конечно мы с Солей получили меньше всех, или почти меньше всех, но расстраиваться совсем не хотелось. Как сказала Линка, так и получилось. В середине пламенной речи, в которой говорилось, что каждый получил столько, сколько заработал, кто ж сомневается, зашел Дядя и что-то пошептал на ухо Большому Гарри. Речь борца за справедливое распределения материальных благ была резко сокращена и через 15 минут мы уже дружно хохотали, вспоминая подробности резкого сокращения прочувствованной речи.

– Линка, ну ты мне скажи, что можно было сказать? Герман Анатольевич, если вы сейчас же не прекратите вешать лапшу, у вас вырастут ослиные уши и будет просто неудобно перед сотрудниками.

– Или, – смеясь сказала Соля, – немедленно отпустите околпаченных. Пришли из ОБХСС и будут тестировать на детекторе лжи как распределяется премия.

– А ещё проще, – вытирая слезы, вставила Динка. – Пришла жена и сказала, что все деньги, которые Гарри прятал в банке, в трехлитровой, под кроватью, она случайно нашла и купила себе шубу.

– Ха— ха— ха, – заливалась компания. – А ведь деньги то на горы. Как раз в июне, после того, как получили все доплаты, он едет их проматывать. На Кавказ, на горнолыжный курорт, – покатывались мы со смеху... – А они пропали, деньги в банке... ха— ха— ха...

– А может он просто сказал хватит п... ть, – предположила Линка, зная солдатский лексикон Дяди.

Как бы не было, деньги поделены, настроение отличное. Пятьдесят грамм сделали свое благотворное дело. Дружной гурьбой вываливаемся из нашей забегаловки с твердым намерением пройти до центра. Погода то какая! Цветут каштаны, теплынь, жить хочется! А то совсем одичали. В городе почти не бываем, работа – дом, дом – работа. Как говорят у нас: «Скорей бы утро и снова на работу».

Идём по улице, на которой наша Альма Матер – Политех. Каждый раз вспоминаю, как было хорошо в годы учёбы. Хоть учиться, теперь понимаю, было тяжело. Боже мой, сколько этих курсовых, зачётов, экзаменов! Все время что-то надо было сдавать. А чего ты сюда пришёл, собственно? Разве не учиться? Учиться! Ну вот и учись. Я, конечно, себя не очень изнуряла, но всё равно далась мне эта учеба! Особенно диплом. В тот год, в мае, я вышла замуж и мало времени осталось до защиты диплома. А конь не валялся. Нет, идея уже была, черновики готовы, почти был готов макет, но ни одного подрамника. А их должно быть дюжина, размером метр на метр. И вот за месяц с небольшим, я сделала дюжину подрамников. Рецензия была на «5», но поставили «4». Сон, что я стою перед комиссией и отвечаю на вопросы, снится до сих пор.

Через парк Костюшка, в центр, намечаем маршрут. Подходим к новенькому красивому готелю «Днистер», который проектировала наша преподаватель Нэлли Послова.

– Давайте зайдём в «Днистер», – предлагает Линка. – Там такой хорошенький барчик!

– И не один! Я там была недавно с родственниками. Очень уютно. И вообще мне нравится, как готель запроектован. Нэлли (так мы звали Послову), здорово всё продумала. У неё архитектурная семья: и она, и муж, и обе дочери, – ни с того ни с сего сообщаю подробности.

С одной из дочерей я училась. В глубине души всегда ей симпатизировала и по добродушному завидовала. Ей было с кем посоветоваться и не надо было изобретать колесо, как нам всем. Как здорово, когда родитель может тебе навязать избирательность во всём: в искусстве, в музыке, в архитектуре. Мы пришли из семей, в которых представления не имели об архитектуре. Сколько ценного времени было потрачено нами на эмпирику. Всё методом тыка – это тяжело.

Заходим в «Днистер». Наши интуристовские готели не для слабонервных. Надо быть хорошо одетым, очень уверенным в себе, чтобы пройти и выпить чашку кофе во всегда пустые рестораны и бары. Просто физически ощущаешь, как тебя взвешивают на невидимых весах, что за птица? Может незнакомая проститутка, а может знакомая идёт в номер к знакомой? А просто так без всякого, просто попить кофе, слабо? Нас взвесили и пропустили.

Открыта веранда, чудно веёт ветерок из парка. В такие минуты просто радуюсь, что живу во Львове, что работаю по специальности, что есть дети и муж, что просто так могу посидеть с подругами в хорошем месте, поболтать не о чём, выпить бокал шампанского. Но не очень то и хочется болтать. Итак хорошо...

Каждый думает о своём. Соля решает быть или не быть со своим журналистом. Динка, наверное, о муже, как он там, на заработках? Сибирь довольно загадочная земля, для нас западнцев. Мы все родились и выросли здесь. Каждый каким-то образом соприкасается с культурой, людьми и образом жизни Западной Украины. Например я замужем за западным украинцем. В свое время училась в школе, которая была наполовину украинско-русская. Мальчишки

из украинских классов бежали за девчонками из русских классов и наоборот. В одном из них училась я, а в украинском классе учился Олег, но познакомились мы в институте, хотя он меня заметил ещё в школе, так говорил он сам и моя школьная подруга Кира, но я этого не замечала.

Солина семья вся с Западной Украины, по материнской линии есть поляки, а замужем она была за парнем, родители которого приехали из Харькова.

Про Линку и говорить нечего как там все намешано. Бабушка полька, поэтому полное имя Линки – Паулина (в честь бабки). Дед с восточной Украины. Муж с Западной, но пьёт больше любого русского. Хотя, по мнению Линкиной бабушки, западных украинцев пить научили москали. Да и можно согласиться, если послушать стариков. До войны ставили на свадебный стол поллитра монопошки (государственной водки) и пиво, а гуляла вся деревня два дня. Теперешний любовник – Дядя, русский, но предпочитает только местных женщин, как он когда-то признался Линке. Правда ли это или просто так, чтобы поддержать её, во время любовных игр? Я мало верю таким опытным ходакам, но Линка же верит.

– Девчонки, я видела Толика мамашу. Она хочет ещё раз пойти к гадалке и зовёт меня с собой.

– Ой, а где она нашла гадалку, я бы тоже сходила, – говорит Соля.

– Да и я непрочь, – поддерживает желание Соли Линка.

– Да в общем-то почему не пойти всем желающим? Как только Лена позвонит, я вам скажу, на когда ориентироваться.

– А как она гадает?

– По фотографии. Правда может ещё как-то умеет, на картах или воск льет? Не знаю. Лена говорила только про фото. Надо будет узнать подробности, когда она позвонит. Если что скажет конкретно, сообщу.

– Так неохота домой, – говорит Динка. – Но надо совесть иметь. Мама целый день с Денисом, надо подменить. Я, девчонки, пойду.

– Вот видишь, Динка, как плохо быть старой мамашей? Вышла бы замуж раньше, так пацан бы уже в школу ходил, – подкалывает Линка Ди.

– Ну не все же на расхват в восемнадцать лет, – не остается в долгу Динка.

– Ну не в восемнадцать, но долго не сидела, девки товар скоропортящийся. Я это усвоила ещё в 10 классе.

– Усвоение прошло в полном объеме или частично? – включаюсь я

– В полном, Жанночка, в полном, – заливается Линка.

Все дружно засобирались. Какие же мы всё таки клуши! Никогда не забываем о семьях. Ведь есть же девки, заведутся на целый день и ищи ветра в поле. А мы все вроде эмансипантки, а дом и дети прочно сидят в башке. Прогулку в центр, через парк, продолжили только я и Лина. Мне можно ехать домой из центра, больше транспорта, а Линка опять шла к Дяде.

– Ну что Линчик, опять идешь к старперу?

– Ой, Жанка, не говори так, а то донесу на тебя, будешь иметь проблемы.

– Да я, в общем-то, не очень и боюсь. Ну что он мне сделает? Сядет на мое место? А может в наказание захочет покатасть на машине? Как ты думаешь, Линок?

– Думаю, что если бы мог, покатал бы на своей машине всё женское народонаселение, да машина уже не та. Поизносились в пути.

– А ты как опытный механик каждый раз реанимируешь механизм.

– Ох, Жанка, доболтаешься ты у меня.

ГЛАВА 12

Лена позвонила примерно через неделю. Оказывается, что попасть к гадалке не составляет труда, если знаешь, куда идти. Идти придётся в старый, мною любимый район, на улицу Суворова. Здесь за высокими, но прозрачными коваными заборами, притаились польские особняки. Я люблю эту улицу, потому что в этом старом районе прошло мое детство. Сколько тайны было в этих старых, тогда ещё недряхлых домах. Мне всегда казалось, что там совсем не такая простая жизнь, как наша. Я бывала в старых польских квартирах, которые верно хранили дух уехавших хозяев. Казалось, что стены всё помнят. В детстве у меня была фантазия изобрести такой аппарат, который бы мог показывать былое. Для этого его надо было бы приложить к стене и он воспроизведёт прошлое.

И вот картина. Красивый молодой пан влюбленный в неземной красоты пани, а старый муж несомненно готовит им какую-то пакость. В голову и не приходила мысль, что молодая пани поступает со старым паном не лучшим образом. Но что взять с наивной русской девочки. Платье у пани обязательно должно быть цвета фрез и из тяжелого мясистого шелка. Пани могла иметь имя Ванда или Гелена, должна быть обязательно голубоглазой блондинкой. Молодой пан обязательно в костюме-тройке с часами на золотой цепочке. Он – обязательно смуглый брюнет с лихо подкрученными усиками и в цилиндре. Звать его могли Рышард или Збигнев. Для меня не составляло труда, придумать этих людей, потому что я видела их на улице, в городе.

Оставшиеся поляки были совсем по другому одеты, чем скажем мои родители или друзья родителей, хотя они, родители и знакомые, тоже старались не выглядеть белыми воронами рядом с местным населением. Особенно женщины. Я помню, что моя мама, которая была в молодости довольно редкой красоты зеленоглазой брюнеткой, обращала на себя внимание не только тем, что была хороша собой, но и одеждой по моде того времени. Но у мамы было всего несколько платьев и это чувствовалось. Уж очень бережно она их носила. А вот соседка, пани Геля, умела носить вещи широко, раскрепощенно что-ли, так носят люди, которые привыкли к хорошим вещам с детства.

Я конечно спросила Лену могу ли я прихватить с собой подруг и на чём, кроме фото, ворожея может погадать.

– Она гадает на всём, на чём попросишь. И на картах, и на кофейной гуще, и на картах Торо. Она снимает сглаз и наговор.

– Боже мой, аж страшно к такой пророчице идти. Ну так когда мы пойдем?

– Да можно в ближайшие дни, в пятницу или в субботу.

– В субботу и в воскресенье, я еду к детям, в пионерлагерь. Так что скорее всего в пятницу, в часов пять, у костела Магдалены, а оттуда и пойдем.

– Буду ждать, – сказала Лена и повесила трубку.

В пять часов в пятницу, как штык, все стояли под Магдаленой и ждали Лену. Лена подошла запыхавшись и извинилась за опоздание. Сегодня она немного подкрасилась и стала совсем очевидно, что перед нами молодая женщина. Да и одета была не в бесформенную кофту с отвисшими карманами, а в хорошенькую светлую юбку и голубую кофточку, которая оттеняла её серо-голубые глаза.

– Вот знакомьтесь. Это Лина, это Соломия.

– А я Лена. Вернее Олена, но мой бывший муж был русским и как-то переименовал меня в Лену. Я полюбила это имя и теперь все меня знают как Лену.

– Вообще то хорошо и Олена, – сказала Соля, обидевшись на Лёныного мужа.

– Да, хорошо, – миролюбиво сказала Лена. – Я ему сто раз говорила, а он всё Лена, да Лена, пока я не стала отзываться, а потом и сама привыкла.

– Видно вы очень любили своего мужа, что так легко поменяли имя? – как то даже с завистью спросила Лина.

– Да уж всяко, был небезразличен, а когда разошлись, – упреждая очередной прямой вопрос Линки, продолжала Лена, – так я даже болела, еле-еле пришла в себя, но это всё в прошлом.

– Вот здесь, – сказала Лена и показала на особняк, который был в глубине небольшого, живописно запущенного дворика.

Дорожка к входным дверям из щербатых старых плит. Справа и слева невысокие подпорные стеночки, ограждающие травяные газоны, на которых раскинулись кусты серени. Они наклонили над дорожкой свои раскидистые ветки с отцветающими, но ещё пахнущими кистями. Раньше этот дом принадлежал, несомненно, одному хозяину. Теперь, справа от входных дверей было три звонка. Лена позвонила в средний и мы стали ждать реакции. Никакого движения не происходило и Лена протянула руку, чтобы ещё раз позвонить, но не успела, потому что вдруг, совсем рядом, мы услышали скрипучий старческий голос:

– Нэ надо дзвонить. Я уже здесь, – с явным польским акцентом сказала женщина и открыла довольно тяжелые двери.

Мы гуськом вошли в прихожую, женщина выглянула во двор, посмотрела направо налево, потянула носом:

– Еще пахнет бузэк, еще мам вонх, – и она неожиданно вполне мило улыбнулась. – Ну цуж, миле пани, проше до покою.

В небольшой прихожей пахло кошками и мастикой. Хотя эти два запаха взаимно исключали друг друга как наличие кошек исключает порядок, но в прихожей было чисто. Небольшое окошко выходило во двор и давало немного света, поэтому в прихожей было темновато. Под стеной стояли стулья, небольшой столик с польскими журналами «Кобьета и жице» и «Пшекруй». Дальше были приоткрытые двери в соседнюю комнату, побольше.

– Проше входзиц по еднэму, – сказала старша пани и вошла первой в соседнюю комнату.

Пошла Соломия. Пробыла недолго, вышла зарозовевшаяся и, ничего не поясняя, сказала, что надо подождать десять минут, а потом входить. Потом зашла Лина. Линки не было достаточно долго. Мы уже стали переглядываться, может она после гадания вылезла через окно? Наконец-то открылась дверь и она вышла. Через десять минут вошла Лена. Сначала всё было тихо, потом что-то упало довольно тяжелое, потом упало и разбилось что-то маленькое, наверное стакан, а потом стало слышно, как старша пани стала громко звать на помощь. Мы, толкаясь, ломанулись к двери, распахнули её настеж и остолбенели. На полу лежала Лена, а гадалка побрызгав ей в лицо водой из графина, махала веером, но Лена не шевелилась.

– Надо вызывать скорую, – заорала Линка так, что гадалка схватила за сердце.

– Да не ори ты так, а то надо будет вызывать кардиологию, смотри, человек уже весь побелел и держится за сердце, – мы дружно накинудись на Линку.

Соломия начала метаться по комнате в поисках телефона, я в поисках подушки, чтобы подложить под голову Лене. Подушка нашлась. Телефон тоже. Соломия вызвала скорую. Лена лежала и не шевелилась. Гадалку Линка посадила в кресло, накапала ей валерьянки в стакан, который нашла где-то в дебрях квартиры. Я вышла в коридор, чтобы открыть двери скорой. Каждая минута была на счету. Врач поругал нас, что Лена лежит на полу, но переносить на диван не стал. Он присел, заглянул в глаза, послушал сердце, спросил что случилось. Мы в кратце сообщили, что она долго болела, у неё пропал сын, вот пришли в гости, а ей стало плохо. Выяснять что-то большее не было смысла. Врач всадил укол. Лена вроде порозовела и шевельнулась, но глаза не открыла. Потом вошли фельдшер и санитар, положили Лену на носилки и врач спросил, кто поедет со скорой. Вызвалась Линка. Теперь мы стали метаться в поисках сумки, чтобы найти адрес и фамилию Лены. Я вспомнила, что фамилия Толика была Солий, значит и Лена Солий. А вот где живет не знаю.

– Нашла, нашла, – закричала Соля.

Собственно и не надо было сильно искать, сумка стояла около стола, но в суете искали её где угодно, только не рядом с Леной. В сумке были всякие женские вещи, ключи, но самая большая и нужная находка – это маленькая записная книжка. Трясущимися руками Соломия стала листать книжку.

– Чёрт, чёрт, ничего не могу найти, – волновалась Соля.

– Смотри вначале, – резонно заметила Линка. – Знаешь, некоторые пишут фамилию на титульной странице.

Линка оказалась права. На самой первой странице было написано: Солий О.Й

– Ага, таки Солий. Имя Олена, а вот отчество на Й, наверное Йосиповна.

– Уж всяко не Йорковна.

Лену увезли. Пани Ирэну, гадалку, мы уложили на диванчик и я пошла звонить соседям, чтобы они вызвали врача на дом или позвонили родственникам. Двери у соседей открыл такой же древний старичок как и пани Ирэна. Он всё очень быстро вразумел. С польским акцентом, старательно выговаривая русские слова, он сказал, что позвонит Ядзе, которая как оказалась, была дочерью пани Ирэны. А пока его жена может побыть с пани Ирэной. Через пару минут из дверей вышла ещё одна старушка и пошлёпала за мной в комнату, к пани Ирэне.

– Ну ни чёрта себе, – сказала Соломия, когда мы наконец то выползли на улицу. Как ты думаешь, пани Ирэна успела что-то сказать или Лена просто от переутомления упала в обморок?

– Да кто ж тебе скажет теперь, надо ждать пока Лена придёт в чувства.

Нас так потрясло всё случившееся, что мы совсем обессилили. В полнейшем молчании дошли до перекрестка, у которого всегда расходились.

– Ну что? Звони, если что. Днём в субботу и в воскресенье еду к детям. Вечером буду дома.

– Да что уж больше может произойти? И так уже произошло предостаточно, – печально сказала Соля.

– Я вот переживаю, как они найдут Ленин адрес?

– Да проще простого, позвонят в справку и узнают, – успокоила меня Соля.

ГЛАВА 13

Линка задумчиво смотрела в окно медленно ползущей электрички. Да... ну и денёк выдался. Сначала гадалка наговорила воз и маленькую тележку, а потом этот случай с Леной. Все и врач, и санитары, и она испереживались пока ехали в больницу. Отвезли в мединститут, как раз urgentный день. Лёну увезли почти сразу куда-то в коридоры. А её попросили, как сопровождающую, сказать подробности про больную. ФИО она знала, год рождения сказала на глаз, а адрес дала пани Ирэны. Ну а чей? Ни одного львовского адреса у неё не было в голове, вот и сказала, что вспомнила. Потом пошла бродить по территории в поисках кардиологии, чтобы уточнить, где Лёну пристроили.

Сначала, когда машина скорой только тронулась, врач не находил себе места и всё время держал Лёну за руку, чтобы чувствовать пульс. Но потом она, слава богу, открыла глаза и вроде узнала её, но не могла понять где находится. Её успокоили и она опять закрыла глаза, наверное заснула, тревожить её было строго запрещено, поэтому ничего не узнали об адресе.

Наконец-то нашла кардиологию. Палата была на первом этаже. Лина заглянула в палату. Лёнына кровать была у окна и она спала, а может лежала с закрытыми глазами. Лина нашла врача и спросила, как Лёна себя чувствует. Врач, думая, что она родственница, сказал, что всё сделали во время и ей ничего не угрожает, но полежать с недельку, а может и больше, просто необходимо.

Всегда, когда Линка попадала в больницу, наваливались мысли, что всё неважно. Главное здоровье. Как-то на задний план уходили все переживания по поводу денег, работы, даже семья как-то немного отодвигалась. Сразу охватывал ужас неизвестности и страх необходимости оставаться один на один с собой, своей болезнью и больницей. Здесь тоже была своя жизнь, к которой приходится привыкать и очень хорошо, если это ненадолго.

«Лёна всё-таки молодая, конечно должно быть всё хорошо. Как при такой жизни, как у неё, может не болеть сердце? Во-первых, этот развод, интересно, кто этот кобель, который бросил её с маленьким ребенком? Во-вторых, работа во вредном цеху, более двадцати лет, конечно сделала своё. И вот последнее – исчезновение сына. А кто же к ней будет ходить? Надо найти адрес и пойти поговорить с соседями. Узнать есть ли здесь, во Львове, родственники, которым надо сообщить, что с ней. Наверное проще всего пойти в отдел кадров завода и рассказать всю историю. А там уж все данные дадут без труда». Так она переживала, сидя в электричке.

Потом мысли перешли на гадалку. Интересно, а как она? Может тоже надо было вызвать скорую? Ведь старушка была тоже не в себе. Что там произошло? Что она сказала Лёне? И стоит ли так впечатляться тем, что она говорит. Однако её то впечатлило. Надо сказать, что она, гадалка, все о ней знала. Почти сразу же сказала, что замужем, что двое детей. Но пани Ирэна сразу определила интерес не к мужу, а к совсем другому человеку, более старшему пану, который сделает ей много неприятных неожиданностей. Кроме того этот пан знает много тайн, к которым она очень скоро будет иметь отношение. Но её ждет ещё один пан, который будет добиваться её любви и она очень будет переживать за всё это. Кроме того какие-то проблемы будут с мужем. Чёрт возьми, а как без проблем с такой плоткой! Вообще она много всего наговорила. Она сейчас всего и не вспомнит. Что-то ещё она сказала, что сразу её очень удивило. Что ж это было? Вот голова дырявая, всё перепуталось. А потом этот случай с Лёной. Как-то всё неожиданно произошло. Хотя, как говорится, все под богом ходим. А как иначе назвать всё происходящее? Может не надо было целым пионерским звеном идти на эти гадания? Не богоугодное это дело. Ещё её бабуля, покойная Паулина Дзюбинска, хоть и умела гадать, никогда никому не гадала. Всегда говорила, со своим замечательным польским акцентом:

– По цо тебе дзецко то вуженьє? В жицю вшистка бендзе так, як Пан Буг хцэ и тылько он може цось зробиць. Тылько Пан Буг роздає талант, пенендзы, добрэго мэнжа, здравых дзеци. И ты, Паулинко, вшистка бендзешь мяля.

Всё бабушка угадала, кроме богатства и «добрэго мэнжа». Нет, сначала это был хороший парень и совсем неплохой муж в последствии. Они познакомились на свадьбе у её подружки Эвки. Эвка тоже была польских корней, поэтому Линку взяли в свидетельницы. А вот жених Эвки был украинец Остап. Соответственно и свидетель был украинец, Линкин будущий муж, Степан. Он уже учился во Львове, в лесотехническом, на инженера – механика. Линка ему понравилась сразу, как он признавался потом:

– Я як тебе побачив, просто ноги видняло. Така ты була гарна.

– А що ж тобі в мени сподобалось? – игриво спросила она его.

– Фигура, особливо верхня частина, – сказал, потупив очи, Степан.

Да фигура в молодости у неё была, что надо! Росту в ней 1,70, а весу – 54 кг. Но грудь уже была почти четвертого размера, такая тоненькая – претоненькая, с большой грудью, в таком молодом возрасте. Конечно фигура это немаловажно, но и лицом была хороша, это она знала. Просто чистая украинская красавица. Это всё у неё по дедовой линии. Дед был украинцем, настоящая казацкая порода. Высокий черноглазый и черноволосый. Как говорила бабуля, когда он на неё посмотрел своими черными глазами, так и проняло её всю, до «самого сердца». А ещё она, бабушка, вспоминала, какие у него были чёрные брови, как два вороньих крыла, да ещё и сросшиеся на переносице, что по сельским канонам считалось необыкновенной красотой. Когда она была маленькой у неё были такие же чёрные и сросшиеся брови. Ей всегда это не нравилось и в старших классах, начала с этими бровями бороться. Выщипывала их, а на переносице просто побрила. Правда получила за это от мамы, но зато теперь брови были как у всех девчонок, а не соболиные, как говорила учительница русского языка Ирина Федоровна. Вот Степан её и заметил, хотя она и была младше его и как говорили злые языки, девок у него было хоть пруд пруди. Соседка Вирка, всегда приносившая сплетни в их дом, часто упоминала его имя как одного из завидных женихов. Его родители уже жили в Стрию, в селе – дед и бабка. Степан уже считался как бы городской, но деревней не гнушался. Часто приезжал и продолжал дружить с парнями, которые учились с ним до восьмого класса в сельской школе.

Линка поступила в Кременецкий пединститут. Её идеалом была учительница русского языка Ирина Федоровна, поэтому она и выбрала русский язык и литературу. Неизвестно почему ей давался русский. Вообще ей давались языки. Она легко говорила на русском, на украинском, говорила и читала по-польски. Хотя она была польско- украинских кровей, в школе больше всех ей нравился русский. Даже не понятно откуда это пришло к ней. В русской речи ей отвечала жёсткость и конкретность. Несомненно польский и украинский были более певучими, но быть убедительным, во всяком случае ей так казалось, можно было только на русском. Учиться в пединституте было легко. Времени хватало на всё. Ходили с девчонками на танцы, несколько раз ездили в Тернополь и во Львов. Удалось во Львове попасть в Оперный, посмотреть балеты «Лебединое озеро» и «Каппелия». Балет не очень впечатлил, а вот сам театр просто потряс. Потряс и Львов. Степан её встретил и показал его любимые места Львова: лесотехнический, площадь Рынок, собор святого Юра, кафедральный костёл, университет им. Франка, в который она всегда хотела поступить. Но Паулина Стельмах знала, что лучше синица в руке, чем журавль в небе, поэтому и выбрала Кременецкий пединститут.

Наверное потому что мечта осталась несбыточной, Университет во Львове, а учёба в пединституте давалась очень легко, образование свое она не ставила высоко. После института её оставляли на кафедре русского языка, но она не оценила этого и уехала в Стрий, к Степану, который уже работал на мебельном комбинате мастером. На комбинате работал и отец Степана. Комбинат дал отцу квартиру, обещали дать квартиру и Степану, как молодому специа-

листу, но пока пришлось, после свадьбы, пожить с родителями. Возвращаться в село, где был большой дом, ни она, ни Степан не хотели.

Первое время жизнь с родителями была вполне терпима. Дети пошли не сразу, поэтому ей ещё пришлось поработать в школе. В школе её любили и коллеги, и ученики. Она нравилась даже директору и он пробовал за ней ухаживать, но Степан, пару раз по какому то поводу или без повода, зашёл в школу и увлечение директора как рукой сняло. Всё в общем-то шло нормально. А потом, вдруг, на работе умер отец Степана. Мать как деревенская женщина рыдала и причитала изо дня в день. Это было просто невыносимо. Что-то сказать было нельзя, проявляешь черствость и непонимание, а слушать как женщина днями и ночами рыдает, тоже тяжело. Она старалась позже приходить с работы, взяла группу продлённого дня, организовала драмкружок. По субботам и вторникам засиживалась в школе до вечера. Так прошло почти два года после женитьбы.

А потом она забеременела. Линка работала до последних дней, потому что хорошо себя чувствовала. Юрчик родился здоровеньким и хорошеньким. Степан забрал их из роддома и не мог насмотреться на сына, пока ехали в машине. Ей показалось, что у него в глазах стояли слезы. С первых дней Степан ей очень помогал, прибегая с работы: стирал, гладил пеленки, убирал. Ходил с Юрчиком на прогулки, чтобы хоть немного она могла передохнуть. Незаметно прошел декретный отпуск и надо было возвращаться на работу. Ей уже хотелось работать, она любила школу. Но мысль, что Юрчик пойдет в ясли, была невыносима. На свекровь положиться было никак нельзя, она все ещё переживала смерть мужа, хоть уже прошло более двух лет. На семейном совете решили, что придется пожертвовать работой и остаться дома ради блага ребенка. Тем более, что Степан дальше помогал.

Но потом она поняла, что надо идти на работу, иначе эти четыре стены сведут её с ума, тем более, что учитель русского в их школе ушёл на пенсию. Коллектив с радостью принял её в свои ряды и жизнь покатилась вперёд. Всё было как у всех. Ребёнок рос. Они работали. Юрчику было уже почти пять, когда она опять забеременела. В этот раз беременность протекала тяжело. Её отправили во Львов на сохранение. Она безвылазно пролежала почти полгода. Степан сначала приезжал через день. Приходил под окно и стоял рассказывал новости. Потом стал приезжать раз в неделю. А потом бывало, что и через неделю. Ей было так плохо, что было не до него и его приездов. Ну не приезжает, значит времени нет, устает на работе да ещё ребёнок на нём. Вот наверное тогда он начал заглядывать в бутылку и лазить по девкам в поисках женской ласки. Как бы там ни было, но ровно в срок родился ещё один хороший здоровый мальчик, которого назвали Назаром. Она забрала Юрчика из садика, пусть немного побудет дома, думала она. Каждое утро ранний подъём для ребенка – стресс. Пусть поспит побольше, да и помощник в доме. Свекровь дальше была в депрессии, а Степана как сглазили.

Он всё так же работал на мебельном комбинате мастером. Сначала, после рождения Назарчика, он как бы обрадовался, ходил с ним и с Юрчиком гулять. В другой раз что-то делал по дому. А потом стал приходить позже и позже, часто «под мухой». Она уже стала подозревать неладное, даже провела с ним беседу. Но он клятвенно заверил, что это все её выдумки, что он любит её и Юрчика с Назаром больше жизни и обещает измениться в лучшую сторону. И правда, какое-то время был после работы вовремя и трезвый, опять стал помогать, а потом началось всё сначала... опять эти задержки и опять пьяный. Она еле-еле дождалась, когда Назару исполнилось два. Отдала его в садик, Юрчика определила в первый класс и на продлёнку, а сама пошла искать работу.

В школу идти не позволило самолюбие, потому что директор не хотел после декретного отпуска её отпускать, она была единственным учителем русского. Её часы раскинули между украинистами, поэтому директор никого не попросил в районо. Он думал, что она после года вернется на работу, но она не вернулась. Ей стало жаль отдавать маленького в ясли. Со скан-

далом забрала документы. Может быть её бы и взяли обратно, но она не пошла проситься, да и любовь к школе и детям поухля, наверное потому что своих двое.

А здесь как раз начали организовывать филиал львовского завода и нужны были люди. Хотя и было объявление в газете, и как говорится на каждом столбе приглашали на работу, но хорошее место можно было получить только по блату. Вот тут и подвернулся Василь. Он был друг Степана, но наверное был в курсе их семейных негараздив, поэтому без обиняков ей просто в лоб сказал, чего от неё хочет и что ей за это будет. Она думала неделю, пока Василь не позвонил домой и не спросил, долго ли ещё ждать. И она решилась.

Когда родился Назар они могли претендовать на квартиру. Но Степан уже не работал мастером, а был бригадиром, понизили из-за какого-то ЧП, которое произошло в его смену. Она, конечно, догадывалась, что не последнюю скрипку в его понижении по должности, сыграло пьянство, но боялась в этом признаться даже себе.

Интересно уже дома или опять «задержали» на работе? О чудо! Оказался дома. Ну да, ведь жаловался, что задерживают деньги, никто ведь бесплатно не нальёт. Опять Стёпка лежал на диване. Назар игрался машинками, Юрчик сидел за уроками. Свекровь что-то шила. В доме беспорядок. Никто даже картошки не почистит. Посуды целая мойка. Нет, всё таки бабуля Паулина что-то напутала, когда предсказала ей богатство и хорошего мужа.

ГЛАВА 14

Динка, Соломия, Лина и я собрали совет. Как расставить силы, кто куда пойдет и кто что должен узнать, чтобы обеспечить Лене комфортное прибывание в больнице.

– Я вот подумала, – сказала Соломия, – может нашим пора собрать какие-то деньги. Ведь Толик был наш сотрудник, а этот мудак даже словом не обмолвился, что надо бы помочь его матери. Вот черствая скотина, самое главное его лыжи, его курвы, его выгода, а во всем остальном хоть трава не расти.

– Это мысль, – поддержала Динка и мы вскинули головы, думая, что Динка так выразила согласие с последними словами Соломии о лыжах, курвах... и т.п... Но нет! Ди продолжила мысль и стало понятно, что она поддерживает мысль о сборе денег. – Как не крути что-то да насобираем, мир не без добрых людей. Но сначала надо найти её домашний адрес. Я с Жанкой могла бы подойти в отдел кадров. Там поднимут личную карту и дело в шляпе.

– А я думаю, может пойти на гальванику и поговорить с мастером смены. Там ведь тоже люди должны знать, что она в больнице, – вставила я.

– Так если вы пойдете в цех, то чего идти в отдел кадров? Ведь в цеху все о Лене знают, тем более, что она там проработала почти четверть века, – удивилась Линка.

– Ну хорошо, может в отдел кадров пока не пойдем, – согласилась Динка. – Начнем с гальваники.

– Лого, – сказала Соля и отправилась с Линой говорить о сборе денег. Это я предложили идти Соле с Линой, памятуя как Гарри подобострастно смотрел на Лину

К Лене, в гальванический, пошли мы – Ди и я.

В цеху что-то шипело, гудели мощные вытяжки, ездили автопогрузчики. Освещение было подслеповатое, поэтому не сразу и разберешь, что к чему. Немного оглядевшись, мы стали различать темные фигуры работающих. Стоял тяжелый дух вредных испарений. Респираторы на лицах женщин превращали их в неведомых двуногих существ. Более-менее хорошо были освещены только рабочие места. Поэтому можно было увидеть, как эти существа брали щипцами детали и опускали в ванны, наполненные металлом. Металл отливался мертвенным серо-голубым цветом и выглядел почти мистически. О господи, просто приисподняя!

Я подошла к одной из работниц и спросила, где можно найти мастера. Женщина, не отрываясь от работы, показала рукой в сторону. Мы посмотрели в направлении руки. Там стояла небольшая будочка из стеклоблоков, в которой, наверное, можно было найти мастера. Мастером оказался немолодой мужчина. Он приветливо улыбнулся и внимательно выслушал нас. Потом вышел из будочки и, попросив подождать, пошёл в глубину цеха. Через минут пять он вернулся не один, а с существом в неуклюжем грязном комбинизоне, косынке и респираторе. Существо сняло респиратор и оказалось женщиной. Мастер познакомил её с нами. Звали её Леся, она была подругой Лены.

– Давайте выйдем отсюда и поговорим, – сказала Леся. – А то половину не слышно из-за этих вытяжек.

В коридоре Леся сняла косынку, приосанилась и превратилась в молодую довольно симпатичную женщину, с любопытным взглядом. Мы изложили Лесе ситуацию. Она заохала, заволновалась и даже слезы от переживания выступили на глазах. Ей от этого душевного порыва стало как-то неудобно и она, отвернувшись, смахнула слезу. Как мы и предполагали Лена жила одна. Когда-то с ней жила тётя, но она была в приклонном возрасте и уже умерла. Жила Лена в центре, на улице Леси Украинки, 8. Второй этаж, квартира 6.

– К соседям можно зайти, они как родственники. Все вместе вырастили Толика и к Лене относятся как к родной, потому что она приехала и поселилась у тёти много лет назад и стала почти своей. Можете им сказать, что я вас направила. Они меня тоже давно знают. Я обяза-

тельно схожу в местком, чтобы Лене дали материальную помощь. Да и в цеху скажу, что она в больнице, скинемся, поможем. Вы мне звоните, я львовская, дайте бумажечку, напишу телефон. А вы мне оставьте свой, какой-нибудь контактный, может рабочий, потому что на работе точно можно встретиться.

– Ну мы пойдем? – нерешительно спросила Динка.

Леся согласно кивнула головой. Мы отошли довольно далеко, когда услышали, что кто-то бежит за нами.

– Девочки, а вы ж мне не сказали в какой палате и в каком корпусе лежит Лена.

– Ой и правда! Она в мединституте, в кардиологии, седьмая палата.

– Ну вот теперь действительно всё. Звоните, и помахав приветливо, Леся побежала в цех.

– Вот оно золотое сердце рабочего класса. Уверена, что и деньги соберут, и помогут, и не будут спрашивать сколько дать, а дадут каждый сколько может, – философски заметила Динка и я с ней мысленно согласилась.

ГЛАВА 15

После работы собрались у моего кульмана. Чтобы не привлекать лишнее внимание и не делать базар, подождали, пока народ разойдется по домам. Поставили чайник и в ожидании послеобеденного чая начали рассказывать о прошедшем дне.

– Собрали. Могло бы быть больше, но отпуска. В общем получилось 150 рублей. Наши оказались и не такими жлобами, как я думала, – резюмировала Соломия.

– О людях всегда надо думать лучше, чем о себе, – сказала, подходящая к нам Линка. – Вашему шефу сначала не очень то понравилась наша идея, но потом, немного помявшись, он вышел на середину зала и после объявления, сделал почин, дал аж десять рублей.

– Таки сработало, что ты пошла с Солей. Увидев вас, мадам, на всякий случай решил показать щедрость, авось пригодится.

– Что пригодится? Щедрость или я? – поинтересовалась Линка.

– А кто ж его знает. На веку, как на долгой ниве, никогда не знаешь, кто или что пригодится. Всё берём.

– Давай-ка, Жанка, не умствуй, – улыбнулась Линка.

Заварили чай, Линка вдруг вспомнила, что у неё есть пряники, которые она купила в обед. Чай с пряниками оказался привлекательнее, чем просто чай. Рассевшись со своими кружками мы вполне комфортно продолжили беседу.

– Ну так когда пойдем к Лене? – блестя глазами спросила Ди, страстный любитель всяких печеностей и сладостей. У неё и фамилия Пирожкова.

– Ты имеешь в виду домой или в больницу?

– Да и туда, и туда надо бы сходить, – ответила наша сладкая Пирожкова.

Мы немного призадумались. Сейчас в свободном полете, пожалуй, я одна. Олег дальше в поле. Дети в пионерлагере. Родительский день в субботу, до неё ещё далеко.

У Соломии вряд ли будет время, её Ирка дома, а родители на даче, так что надо бежать домой. Может с Линкой или с Пирожковой сходим по нужным адресам. Линка меня всегда восхищала своим ненормированным рабочим днём и свободой передвижения во время и после работы. Вот скажи ей сейчас пошли куда-то там, ведь пойдёт. Немного подумает правда, наверное, что сказать Дяде или Степану, когда явится домой, и пойдёт. Просто золото, а не человек. С Ди проблематичнее. Она со своим калькулятором в голове всегда должна всё подсчитать, её вот так с ходу не уговорить. Хотя её мама это просто подарок судьбы. Такой самоотверженный человек редко попадался, во всяком случае на моем пути. Ведь уже пенсионного возраста, но осталась работать по сменам, а у неё больной муж, Динкин отчим. Но она всё равно нянчит Дениса и без разговоров выпускает Ди, куда ей надо. Здесь всё зависит от Ди, захочет ли она проявить инициативу.

– Надо будет поговорить с мамой, – прочитав мои мысли, сказала Ди. – По- моему ей завтра на дежурство. Денис останется с Иваном Алексеевичем, а вот послезавтра я смогу пойти куда надо.

– А мне надо будет спровадить Ирку на дачу. Отец сегодня обещал приехать с дачи, так я ему и подсуну Ирку. Пусть посидит на даче. Она сейчас ходит в школьный пионерлагерь, но я позвоню училке и скажу, что она на даче, чтоб не волновалась.

– Ну так с чего начнём? – спросила рациональная Линка.

– Я думаю с домашнего адреса. Давайте завтра сходим домой, отдадим деньги и вообще посмотрим какая там обстановка. Ну если не завтра, так послезавтра.

– Скорее всего послезавтра подойдет всем. У меня на завтра после работы намечено мероприятие, поэтому никак не могу, – вдруг огорчила Линка.

«Ну вот, начинается, а я только подумала о ней, как о золотом человеке. Опять, наверное, randevу с Дядей. Причем такое, что нельзя отложить. Ну и хорошо, хоть постираю, а то уже гора белья, тем более, что в субботу-воскресенье надо будет ехать к детям. А сейчас погода стоит замечательная, на моей продуваемой лоджии всё посохнет, а в субботу вечером переглажу. Что то я ещё хотела сделать после работы? Ах да, выбрать сахар по талонам и масло. Вообще то надо бы сходить на базар, да и в магазине может чего найду, надо ж что-то привезти детям в лагерь. Печенье, фрукты, чистые майки и шорты и ещё что-нибудь. В пятницу надо будет подскочить в заводской буфет. Там по разумной цене можно купить что-нибудь сладкое и что-то на бутерброды».

Первое время заводской буфет не впечатлил, потому что я приехала из Ленинграда, где в магазинах было всё или почти всё. Потом немного пожив во Львове, походив по магазинам, стало понятно, что с питанием будут проблемы. Постепенно из магазинов исчезало самое необходимое. На сахар и масло ввели талоны, которые все получали по месту жительства, в ЖЭКе. Привыкнув к нищенскому ассортименту магазинов, я очень даже оценила заводскую столовку и буфет. В буфете, в порядке живой очереди, можно было купить многое, чего в магазинах уже давно не было. Периодически я покупала: буженину, курей- гриль, пирожные. Кроме того можно было записаться на продуктовые наборы, которые давали раз в месяц. В комплект входило: килограмм гречки, банка кофе, банка сгущенки, банка мясных консервов и что-нибудь такое, что никогда не использовалось. Давали в нагрузку продукт, который затоваривал склады. В основном это были ржавые жестяные банки с просроченной кабачковой икрой или морской капустой. Меня, городского жителя, радовала любая возможность облегчить себе жизнь, что-то принести в дом, лишний раз до изнеможения не стоять в очереди. А стоять надо было за всем: за курицей по 0,75 копеек за килограмм, которая в народе называлась «синяя птица счастья», за мясными суповыми наборами, сплошные кости, за мокрыми небольшими пачками с говяжим или свиным фаршем. Если зациклеваться на проблемах с продуктами, то можно было застрелиться, но так было у всех. В лучшем положении были разве что те, у кого были дачи или родственники в селе. Поскольку у нас не было ни того, ни другого, оставалось уповать на помощь родителей Олега да на себя. Родители поддерживали связь с родственниками из села, за счет того, что мать Олега обшивала их и за это перепадало и им, и нам.

Решив вопрос, чем заняться завтра после работы, я поняла, что пропустила разговор.

– Ну так что решаем, будем кратки и конструктивны, как говорит наш начальник Дмитрий Сергеевич, – сказала я в отместку за то, что Линка опять идёт к Дяде.

Линка просекла ход моих мыслей и мило проговорила:

– Жанчик, так как и договорились. Всё на послезавтра, раньше никак. Завтрашнее мероприятие отменить не могу пусть хоть «пеньки падают».

Это у них, местных, как пароль. Мой Олег тоже любит подчеркнуть категоричность своего решения этой фразой.

ГЛАВА 16

Линка спешила на свидание. Проницательная Жанка правильно предположила, что на свидание с Дядей. Хотя, если честно, то и не совсем точно. О встрече договорился Дядя, но встреча будет с Викентием Борисовичем. Квартирный вопрос надо было решать. Каким то образом ВБ (Викентий Борисович) узнал, что начинают сворачивать строительство. Все заводские, городские объекты, которые были на стадии завершения – достроят, а вот новое начинать не будут, разве что кооперативы. Происходит какая-то возня на Олимпе, т. е. среди властных богов. ВБ этот сибарит и адвокат, в квартире которого она и Дядя провели столько приятного времени, вернулся из Москвы очень встревоженный. В столице он вхож в какие-то высшие круги, о которых Дядя рассказывает закатив глаза. Вот там ему кто-то проговорился, а может это его собственные наблюдения, о грядущих переменах.

Линка проела плешь, как говорит Дядя, на его и без того плешивой голове, с этой квартирой. Он, видно, поделился этим с ВБ и тот решил о чём-то с ней поговорить. Как бы там ни было, таким человеком пренебрегать никак нельзя, потому что вопрос с квартирой надо решать сейчас. Чует её сердце, что не стоит откладывать в долгий ящик, можно остаться при своих интересах.

Вот и наш шикарный дом. Как-то она уже привыкла к нему, к этому дому. Считает его почти своим, но привыкнуть к его капитальности, нарядности никак не может. Всегда лезут в голову одни и те же тривиальные слова: умеют жить люди. Перед дверью в квартиру она приосанилась. Смахнула платочком несуществующую пыль с туфлей, одернула юбку. Залезла в сумочку, вытащила пудреницу. Посмотрелась, облизала губы, поправила челку. Почувствовав себя во всеоружии, смело нажала на звонок. В глубине квартиры послышался мелодичный корильон на мелодию «Подмосковные вечера». По коридору простучали энергичные шаги и без всяких вопросов дверь широко открылась. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти. Высокий плотный, но ещё в форме. Лицо интеллигентное, внимательный взгляд. Густые, начинающие седеть, чёрные волосы. Одет в божурку, темные брюки и туфли. Сделав широкий жест рукой сказал: «Прошу». Ничего не спросил и её это смутило.

– Я Лина, – прошептала она.

– Я вас узнал. Дмитрий Сергеевич вас мне показал, – невозмутимо ответил ВБ.

– Это как показал, фото или живьем? – сразу переходя в атаку удивилась она.

– И фото, и живьём.

Она удивилась ещё больше. Такое внимание к её скромной персоне? И почему она об этом не знает? Показывают её без её ведома, как какую-то зверюшку, чёрт побери! Она так вознегодовала, что это заметил даже ВБ.

– Да вы не сердчайте, – сказал он очень по-русски. – Я пошутил, уж очень у вас было напряженное лицо. Ничего мне никто не показывал. Просто у нас когда-то с Дмитрием Сергеевичем была общая знакомая и вы на неё чем-то похожи. Вот он мне это и сказал. А когда я открыл двери, то увидел, что он прав, вы действительно похожи на нашу общую подругу, поэтому ничего и не спросил.

Ей так захотелось залепить что-то на предмет «общей подруги», но она как-то опять оробела и промолчала. В комнате был открыт балкон, ветер периодически играл занавеской и заносил в комнату запах левкоев, которые цвели на балконе. Она сама весной их посеяла в ящички, которые стояли на балконе. Там же стояли плетеных два кресла и столик.

– Мы сейчас с вами поговорим здесь, в комнате, а потом я вас приглашаю на балкон. Спасибо, что вы посадили цветы. Вы угадали, что посадили левкои, я люблю их запах. Эти цветы любила моя мама.

«Какие мы нежные, маму вспомнил. Уже сам дедушка, а маму вспоминает. Хотя чего я злюсь? Маму все помнят, во всяком случае нормальные люди. Слава богу, что моя мама жива, да она не намного старше, чем ВБ».

– Ну в общем вам ситуация на рынке жилья известна. Сворачивается строительство и надо сейчас решать ваш вопрос. У меня есть возможность вам помочь, но только с кооперативной квартирой и надо за это заплатить, т.е. заплатить за квартиру первый взнос – это само собой разумеется, но надо ещё и дать взятку в дирекцию. Я знаю, что вы работаете на заводе 4 года.

– Четыре с половиной, если учесть работу в филиале, – сказала она.

– Это не имеет значения. Вернее значение имеет, иначе никто бы с вами и говорить не стал, если бы вы не работали на заводе. Очередь на кооперативные квартиры на заводе 300 человек, если по очереди, вы будете 301, а если дадим денег, то удастся попасть в первую десятку. В конце этого года начнется строительство вашего кооператива. Сейчас надо решить согласны вы или нет. Если нет, то нет. Если да, то взятку надо дать до конца лета, строительство начнется в конце года или ближе к весне, квартира через год. Ну так что?

– Ваша информация меня просто ошарашила. Всё так просто. Нет, ну не просто... Я должна подумать. Сами понимаете, что всё это как снег летом, неожиданно. Я должна подумать, ещё можно?

– Да, конечно, обязательно надо подумать, вопрос в том как долго?

– Неделю, две? Что вы на это? И как скоро надо отнести деньги?

– Если решитесь, то позвоните мне и скажете одно слово «да». Тогда я назначу вам встречу. Самое главное я сейчас скажу сколько надо. Он взял листочек бумаги, поискал ручку и написал «3000». Что скажете?

У неё было такое выражение лица, когда она увидела эту цифру, что ВБ подошел ближе и положил ей руку на плечо.

«Я сейчас просто упаду в обморок, – чуть не закричала она. – Ну и какого чёрта я кувыркаюсь с этим старым козлом? Платить вот такие деньги? Нет, конечно, их можно собрать. Мама с отцом помогут, можно что-то занять, но всё равно, купа грошей!»

– А сколько стоит квартира? – спросила она севшим голосом.

– Ну вас интересует конечно три комнаты, Дмитрий Сергеевич сказал, что у вас два мальчика.

Она хотела сказать, что и две хватит, но хватило ума промолчать. Три комнаты... Это просто мечта. На балконе тоже высажу цветы, поставлю кресло...

– Ну так что?

– Да, да, конечно три и не меньше, – нахально сказала она.

– Понятно, – ВБ улыбнулся, как будто бы понял о чём она думала. – Три комнаты стоят девять тысяч рублей. Выплачивать придется двадцать лет, раз в квартал, по-моему по 120 или 130 рублей. Первый взнос две семьсот.

«Ничерта себе, во кабала! А я думала, что Дядя поможет мне получить государственную квартиру. Тогда бы я прижала Степана с его пьянством. Думала пригрозила бы, что выгоню. А теперь придётся с ним сосуществовать, а иначе как буду выплачивать?»

У неё даже спина вспотела, так было всё неожиданно и обременительно. Просто голова пошла кругом. «Как это собрать в кучу? Как решиться, с кем посоветоваться? Со Степаном, с Дядей, с мамой, с отцом, со свекровью??? Ну Степан пойдёт куда скажу. Мама с отцом и свекровь помогут, интересно сколько смогут дать? А вот Дядя, интересно, что он скажет. Наверное имеет какое-то решение, ведь ВБ наверное ему обо всем сказал раньше чем мне?»

– Да не паникуйте вы так, на вас больно смотреть. Давайте пойдём посидим на балконе, так хорошо, нежарко, тихо, левкой пахнут. Я припас хорошего вина, привёз из Москвы, крымское. Есть клубника. Любите клубнику?

– Я всё люблю.

– Ну и замечательно. Посидим. Вы переварите информацию, вижу, что для вас это шок, но думаю вы понимаете, что по другому вопрос не решить.

«Да уж! Нет, надо собраться и успокоиться. В конце концов ничего не произошло, захочу откажусь. Только спокойно, только спокойно...»

– Ну что, за удачное решение ваших проблем? – спросил ВБ и поднял бокал с рубиновым вином.

– Да, да, за удачное..., – рассеянно сказала она и залпом выпила фужер вина, не почувствовав его вкуса.

Через минуту вино растеклось теплом по телу, добралось до головы, сделало тепло в желудке и облегчило проблему. «Действительно чего я паникую? Всё образуется, всё образуется.» Как-то легче стало не то от вина, не то от этой мысли.

– Налейте мне ещё, – попросила она. – Очень хорошее вино.

– Да, крымские вина хорошие, – задумчиво сказал ВБ и налил ей ещё.

После второго бокала стало совсем хорошо. Она с интересом посмотрела на ВБ в свете дня. «Интересный мужчина. Внимательный. Может притворяется, что внимательный. А зачем это ему? Я для него источник дохода, думаю ему что-то перепадет из этих 3000. Не буду об этом думать.»

– Расскажите что-нибудь, – вдруг смело попросила она.

– Ой, даже и не знаю, что вас интересует, – как-то просто сказал ВБ.

– Ну что-нибудь, например о Москве или о какой-нибудь стране. Вы бывали за границей?

– Да, бывал. Недавно приехал из Праги. Очень красивый город. Старинный. Центр города очень впечатляет. Там есть старинный мост короля Карла, чехи говорят Карлов мост. Если на нём загадать желание, то исполнится. Центр Праги готический. Есть такой стиль в архитектуре. Но в центре есть ещё свой центр, как бы центр центра – Градчаны. Это совсем красота. В центре Градчан стоит собор Святого Витта. В нём похоронены чешские короли, сейчас этот собор как музей.

Потом оказалось, что ВБ был и в Париже, и в Варшаве, и в Кракове, и в Вене. Рассказывал он хорошо. Простым языком, без рисовки, со своими какими-то наблюдениями. Время прошло незаметно, Линка глянула на часы и обомлела, восьмой час.

– Я пойду, – без предисловий и вежливых прилюдий вдруг сказала она. – О своём решении сообщу как договорились. Спасибо за рассказы и за вино. Вы гостеприимный хозяин и хороший рассказчик.

– Это вы хорошо слушаете, поэтому я так распустил хвост, вы заметили, что не многие люди умеют слушать.

– Да, это правда. А есть такие, что даже зевать начинают.

При этих словах они дружно рассмеялись и это как-то натурально закончило их встречу.

Она вышла из подъезда и оглянулась на окна. ВБ стоял у окна и на её взгляд приветливо поднял руку.

«Сейчас же позвоню этому, с позволения сказать, ухажеру. Это ж надо такое мне приделывать? Три тысячи и сразу. Это две хорошие импортные стенки или даже три. Боже мой! Дай мне силы прийти к какому-то правильному решению.»

Она зашла в кабину телефона-автомата и позвонила Дяде на работу. Трубку не брали. «Наверное уже дома, хотя говорил, чтобы после встречи перезвонила именно на работу. Крутну ещё раз.» В этот раз трубку взял сразу. Без всяких риверансов она начала громко орать в трубку. Ума хватило не сообщать подробностей, но все остальные чувства были высказаны в полном объёме.

– Ну что выпустила пар? – сказал Дядя усталым голосом. – Я примерно такой реакции и ожидал. Ты пойми, сейчас такое время, что все обозлены как черти. За любым телодвиже-

нием следят. Я тебе скажу больше. Наши люди просто дураки, что не очень следят за кооперативной очередью, всем подавай всё бесплатно. А мы возьмем платно, воспользуемся их глупостью, потому что это разумная цена и разумные условия. Поверь мне, скоро обвалится рынок недвижимости и такие квартиры будут рвать из рук, но тогда это будет стоить на-а-а-много больше. Я настоятельно рекомендую прекратить истерику и подготовить домашних. Всё образуется. А сейчас мне надо идти, я итак засиделся. До встречи.

«Да, умеет быть убедительным, – подумала она. – Ведь он давно в строительстве и, если так говорит, значит так и есть.»

Сразу стало как-то легче. Линка относилась к тем людям, на которых надо наорать, чтобы привести в чувства. Дяде это удалось. Она выскочила из телефонной будки, игриво подмигнула проходящему парню, и чуть не в припрыжку помчалась на трамвай, который ехал на вокзал.

ГЛАВА 17

Динка вполне ориентировалась в расположении корпусов мединститута. Её отчим Иван Алексеёвич часто лежал в кардиологии и ей приходилось здесь бывать. Соломия здесь тоже ориентировалась и бывала здесь не раз и не два. Здесь, в мединституте, в отделении онкологии умерал, 10 лет тому, Максим. Какой это был человек! Прошло столько времени, она уже побывала замужем, имела несколько связей, две даже длились по году, но никого похожего на Максима, даже отдаленно, не удалось встретить.

Их познакомили общие друзья. Школьная подруга Лиля с десятого класса встречалась с Олесем Куликом. Он был старше Лили на три года и уже учился в Университете им. Франка на мехмате. У Олеси была команда друзей со школы, в которую входил и Максим. Он учился тоже в университете Франка, но на химическом. Лили привела Соломию в компанию на Рождество, которое в украинских семьях праздновалось, несмотря ни на какие советские запреты. Как можно было не праздновать этот совершенно домашний уютный праздник, который здесь «святкували» из покон веков. Празднование Рождества, по своей мягкости и домашности, никак не походило на новогодние попойки, которые длились по несколько дней в государственных учреждениях и квартирах советских граждан. На Рождество никогда не попадали каникулы ни в школах, ни в институтах. Но местная школьная и институтская молодежь праздновала Рождество. У многих в селах остались родственники, к которым ехалось в эти дни, минуя все запреты. У Лили под Львовом жила бабушка и Соломия, с разрешения родителей, поехала с ней. Олесь с компанией был тоже приглашен Лилиной бабушкой, чтобы парни не болтались бесхозными и повеселили молодых паненок. Олесь приехал с Максимом и Павлом. Максим сразу же, без всяких разговоров, после двух слов знакомства, сел около Соломии, взял её за руку и не выпускал целые праздники. В другой раз Соломия думала, что если бы они не влюбились так сильно друг в друга, всё было по другому.

Максим не был красивым. Да и зачем? Соломия красавица за двоих. Максим – небольшого роста и крепкого телосложения. Густые кудрявые волосы делали его голову несколько большей по отношению к туловищу и он поэтому был похож на большого ребенка. Сходство с ребенком становилось ещё больше, когда он смотрел на собеседника своими совершенно добрыми детскими слегка на выкате глазами. Соломия потом, когда они уже встречались, часто говорила Максиму, что ну нельзя быть таким добряком. Это понимала даже она, девочка, десятиклассница, а потом первокурсница. Ну нельзя среди ночи ехать на другой конец города, если позвонил не друг, а просто какой-то знакомый. Нельзя отдать почти всю стипендию в займы и никогда не потребовать отдачи. Люди просто нагло этим пользовались. Конечно он из хорошей обеспеченной семьи, конечно он не умрет без стипендии, отец, главный инженер большого завода, но стипендия за отличную учебу. Максим, в конце концов, заработал её. Но в душе ей нравился, этот его альтруизм. Нравилось как он знакомится и говорит с людьми. Нравилось уважительное отношение ко всем, начиная от дворнички с его брамы до сокурсников и преподавателей. Нравилось, что он не признавался в любви каждые пять минут, не целовался на людях, чтобы показать принадлежность такой красивой девушки ему. В другой раз ей казалось, что он даже стесняется её, её красоты. Но она всегда понимала и чувствовала, что Максим её человек. Он пойдет за ней на край света, а она за ним.

Соломия поступила на архитектуру. Максим совсем ею загордился. Он дарил ей дорогие издания книг по искусству, с удовольствием составлял компанию в поездках на плэнэр, старался побольше быть около неё, несмотря на то, что годы учебы окончились и он уже работал.

Максим пошёл работать на большое предприятие, хотя хотел продолжить учебу в аспирантуре. Благодаря своей башковитости, сделал пару рационализаций и получил повыше-

ние. Всё подкалывал, что вот ещё чуть-чуть и будут деньги на свадьбу. На самом деле понимал, что Соломии надо спокойно доучиться.

С ним было так уютно. Утром институт, вечером встречи, летом на месяц на море или в Карпаты, которые любили оба. Всегда вместе.

И вдруг как удар грома. Максим упал в обморок прямо на работе. Вызвали скорую, отвезли в мединститут. Отец всполошился, поднял на ноги светил медицины и через пару дней обследования оказалось, что лейкемия, последняя стадия.

Она ходила в больницу как на работу. Максим таял на глазах. Умер он, когда она шла к нему, чуть-чуть не дождался. Медсестра ей сказала об этом ещё в коридоре. Соломия вошла в палату, постояла над Максимом и, резко повернувшись, вышла.

Пришла домой, переделалась и легла на диванчик. На похороны не пошла. Лежала на диванчике, глядя в потолок или отвернувшись к стенке. Депрессия была такой длительной и сильной, что родители перепугались не на шутку. Её освободили от преддипломной практики. Если бы впереди не было двух летних месяцев, пришлось бы брать академку. К первому сентября она взяла себя в руки, а скорее всего победили молодость, хорошее здоровье и любовь к родителям. Соломия понимала, что родители тоже на грани нервного срыва и теперь она должна прийти им на помощь. Надо было доучиться на пятом курсе и выйти на диплом. Внешне Соломия мало изменилась. Единственно, что превратилась из шатенки в жгучую брюнетку, потому что за два месяца отросла совсем седая челка и пришлось перекраситься.

– Ты не помнишь, в какой палате лежит Лена, – некстати или кстати спросила Динка.

– По-моему в седьмой, – ответила Соломия.

Они заглянули в седьмую. Ленына кровать стояла у окна. Она смотрела в окно, а с другой стороны окна в палату смотрел тополь. Лена так была занята созерцанием, что даже не пошевелилась, когда Ди и Соля подошли к кровати.

– Добрый день, – тихо сказала Соломия.

Лена повернула голову и удивленно посмотрела на вошедших. Было видно, что она не узнала их.

– Лена, я Соломия. Мы с вами и с Жанной были у гадалки. Помните?

– Помню, – тихо ответила Лена.

– А это Дина. Ну как вы тут?

– Уже лучше.

Соломия вкратце рассказала новости. Про посещение её родного цеха, про то что в отделе собрали деньги.

– И вот не знаем, кому отдать? Вашим соседям или подруге? Как вы хотите?

– Спасибо, – опять тихо сказала Лена. – Может отдайте Лесе?

Говорить в общем-то было не о чем. Они слишком мало знали друг друга и Лена не проявляла желания общаться, наверное потому что была очень слаба. Заглянула медсестра и совершенно естественно получилось попрощаться. Лена безынициативно ответила на слова прощания. Динка и Соломия тихонько вышли из палаты и двинулись к выходу. Медсестра посмотрела на них и спросила:

– Вы её подруги или родственницы?

– Подруги, – дружно ответили Ди и Соля. – У неё здесь нет родственников.

– Как же нет! К ней приходила сестра, разговаривала с доктором.

– А почему вы решили, что это сестра? – спросила Ди.

– Да она так сказала сама и мне показалось, что они похожи, – ответила медсестра.

– А как она выглядела, – не удержалась, чтобы не спросить, Соломия.

– Очень холеная дамочка, такая знаете ли вся из себя фря. Запах от неё просто замечательный. Наша врач Зоя Владимировна сразу определила, что это «Клема» такие модные сейчас французские духи. Да и одета по последнему слову, такое платье по-моему называется

«сафари» и сумка очень красивая, красная. Так хорошо подкрашена и серьги в ушах – дорогие, брюлики. Это тоже Зоя Владимировна определила. Она у нас первая модница в отделении.

Как можно увидеть сходство двух женщин, когда одна лежит на кровати с бледным лицом в больничной ночной сорочке и дамочкой, которая по выражению медсестры «холеная фря»?

Соля и Динка переглянулись. Вот это да! Есть сестра, а Леся и не сказала, а может не знала, что есть сестра.

– И долго она пробыла у больной?

– Да нет. Она только вошла на минуту и тут же вышла и спросила, где можно найти врача. Потом говорила с доктором достаточно долго, – ответила медсестра. – Всё спрашивала серьёзно это или нет.

Ну со временем узнаем, решили Ди и Соломия и вышли во двор. Как всё-таки угнетает больница. Все понимают, что не обойтись в жизни без врачей, но какое счастье, когда удастся без них обходиться. По дороге решили, что в следующий раз надо бы, чтобы пришла Леся, наверное Лене веселее будет, когда она увидит подругу.

ГЛАВА 18

В дверь позвонили. Я вышла в наш коридорчик и увидела женский силуэт, стекло было узорчатое. Силуэт был чёртовски похож на Линкин.

– Линка, это ты? – спросила я громко.

– А ты ждешь кого то? – вопросом на вопрос, по-еврейски, ответила Линка.

– Нельзя просто ответить «я»?

– А где интрига? – засмеялась Линка.

Я открыла. На пороге стояла Линка. Довольное лицо с оттенком озабоченности говорило о том, что приход это знак чего-то.

– Заходи, гостем будешь, как говорил мой отец, – сказала я, распахнув двери.

Линка полезла целоваться и я учуяла запах спиртного.

– Никак опять от Дяди? Или есть другие причины прихода, – спросила я, закрывая входные двери.

– Ох, Жанчик, от Дяди и другие причины тоже имеются, – по-пьяному глубоко вздохнула Линка.

Бесцеремонно прошла в комнату и плюхнулась в кресло. Было видно, что она настроена на беседу, но временно, пока не выветрится алкоголь, готова потрещать на общие темы.

– Жанчик, не угостишь гостью кавой, хочу прийти в норму, а то как-то перебор получился.

– Не вопрос, отдыхай, – сказала я и пошла на кухню.

– Жан, у тебя три комнаты? – заорала из комнаты Линка.

– Да— а— а! – заорала я в ответ.

Так мы орали минут пять пока я не сварила каву и не пришла в комнату. На журнальном столике стояла открытая початая бутылка шампанского и лежала развернутая надломленная шоколадка.

– Так понимаю с барского стола? – спросила я расставляя чашки и жестом приглашая подвинуться ближе.

– Ну, а чего добру пропадать? – опять вопросом на вопрос ответила Линка. – Мы с тобой не спеша, спокойно, под каву оприходуем это дело. Я намерена у тебя посидеть, ты может имела какие планы?

– Не-э, хотела сходить в магазин и заодно пройтись, так не пойду, посижу с тобой...

Линка взяла чашку с кавой и с удовольствием отпила. Потом задумчиво посмотрела на меня, но ничего не спросила, а просто стала разглядывать комнату. В комнате собственно и разглядывать то было особенно нечего. У нас не было традиционной стенки. Вместо неё на всю стену раскинулся стеллаж с книгами. Недавно от сестры я откупила пианино, с мыслью, что дети займутся музыкой, но пока оно стояло как мебель. Кроме этого в комнате стоял традиционный уголок, и журнальный столик.

– Да, негусто, – бесцеремонно сказала Линка. – А чего стенку не купите?

– Так её некуда ставить, да и комната становится такая узкая, если купить стенку. И потом ты ж в курсе, что надо искать какие-то знакомства, чтобы купить стенку или стоять в очередях по ночам, опять таки новая рассрочка, мы только-только выплатили кухню.

Линка задумчиво пила каву и дальше рассматривала комнату.

– А как ты разместила детей?

– У Алёнки своя комната, а Сашка спит на уголке, на ночь сдвигаем.

Линка с трудом выбралась из кресла и пошла в спальную, которая была смежной с гостиной. В спальне тоже нечем было удивить, две кровати и шкаф.

– Жанчик, а как долго у вас квартира? – спросила потягиваясь Линка, вид кроватей навеял произвольное телодвижение.

– Да уж пятый годок тянем лямку.

– Я в курсе, что у тебя кооператив, ну и как?

– Каком кверху. Платим.

Линка опять потянулась, потом покрутила головой как бы стряхивая хмель, и подошла к столику. Налила себе ещё кавы и примостилась на кресле.

– Ну и как ты считаешь, кабала?

– Может и кабала, но лучше чем жить с родителями в двух комнатах. Мы не жалеем, что влезли в это дело. Конечно, ничего себе не позволишь ни из одежды, ни из мебели, как видишь, но зато человеческие условия и для детей, и для нас.

Линка сидела задумавшись, помешивая сахар в чашке.

– А как ты считаешь район Рясне – это хорошо или какой другой лучше?

– Например?

– Например район Топольной или Новый Львов?

– Это всё в разных местах. Пожалуй ближе всего к центру Новый Львов. Я не знаю и Новый Львов, но точно это не так далеко как Рясне или Топольная.

– Я плохо знаю Львов, поэтому и спрашиваю.

Интересно, что случилось? Как-то она сегодня сбита с толку. Наверное Дядя её чем-то огорошил и она как человек неустойчивой конструкции никак не может найти точку опоры.

– Где у тебя туалет? – спросила Линка

– Пошли покажу.

Я взяла два фужера на кухне и пришла из кухни в комнату. Дело в том, что туалет окном выходит на кухню и гость всегда очень смущается и сидит тише воды ниже травы, а в туалет в общем-то человек зашел не для того, чтобы сидеть тихо.

Я налила себе шампанское в фужер и отпила пару глотков. Линка с удовольствием наполоускалась в теплой воде, заглянула в Алёнкину комнату и пришла ко мне опять. Покрутилась по комнате и пошла на лоджию, удивилась, что лоджия такая большая. Потом свесилась вниз, видать хотела заглянуть к соседям, на лоджию, этажом ниже.

– Ну ты что? – заорала я. – Хочешь свалиться?

– А ты бы плакала? – заржала Линка.

– Можно подумать, что за тобой некому плакать?

Линка присела на плетёное кресло, которое стояло на балконе, и с удовольствием вытянула ноги.

– Имею к тебе беседу, принеси не в службу, фужерчик, хочу что-то рассказать.

Я метнулась в комнату, принесла фужер, присела на порожке лоджии и приготовилась слушать. Линка с чувством начала рассказ. Она долго ходила вокруг да около и наконец выпалила

– Жанчик, мне предложили кооперативную квартиру!

– Ну наконец-то разродилась!!! Я так и думала, что случилось невероятное.

Линка сразу как-то протрезвела и предложила восполнить. Мы чокнулись и с удовольствием осушили фужеры.

– Кряк, – сказали мы дружно.

– Ну и когда ты конкретно въедешь?

– На следующий год летом!!!

– Ёлки-палки, Линка, так выглядит счастье, – заорала я.

Линка в ритме танго тронулась в комнату налить новый фужер. Она бурно переваривала событие. Вслух размышлялась, как она всё обустроит и облагородит. Я помалкивала. Пусть человек осознает свое счастье, не каждый день происходит такое событие. Её мечты летели

впереди паровоза: и балкон она засадит цветами, и люстры купит хрустальные, и красивый цветной кафель достанет. Мне хотелось крикнуть: «Опомнись!» Где ты это всё достанешь? Магазинов со строительными материалами нет. Обо всём надо договариваться, никаких денег не хватит, а ещё надо хоть какую-то мебель и каждый раз, поквартально, платить за стены.

– Жанчик, Жанчик, мы устроим грандиозное новоселье!!! Я приглашу всех!!!

Не хотелось вот сейчас, прямо в лоб, расстраивать подробностями, но я то знаю, как всё будет. Сначала, Линчик, вы отнесёте кучу денег в банк – это первый взнос. Потом вас будут собирать как минимум раз в месяц на кооперативные собрания и вы будете оповещены о какой-нибудь очередной доплате. Доплачивать будете за всё: за чугунную ванную, иначе поставят стальную, а она не держит тепло, потом за паркет, который надо положить в коридоре, иначе будет линолеум. Потом начнется возня с сантехникой. Уже всего и не помню, потому что не на все собрания ходила я, ходил и Олег.

– Наконец-то я вздохну спокойно, без свекрови, в большой квартире, – дальше мечтала вслух Линка. – Я хлопцев поселю в одной комнате, Степан сделает двухэтажные кровати, а себе отвоюю комнату. Наконец-то куплю трюмо и буду покупать себе хорошие духи и ставить у зеркала. Степана выселю в большую комнату, что ему не всё равно, где храпеть? Правда Жанчик?

– Теперь осталось спросить Степана.

– Да ему на всё с прибором! – отмахнулась Линка. – Слушай у нас кончилось шампанское. Во я корова! Могла бы догадаться что-то ещё прихватить. Тем более, что неохота домой ехать, хлопцы у моих в селе, да и Степка туда помотал, а может я у тебя заночую. А, Жанчик?

– Я так вижу, что от тебя не отвяжаться. А чем тебя кормить, чудо ты гороховое?

– Ой, да мы простые рагули едим всё.

– Да в том-то и дело, что нет всего.

И мы дружно захохотали. Потом решили пожарить картошку и сделать салат из свежей капусты. К выпивке у нас в семье особое отношение. Мы никогда ничего не держим и не покупаем. Всё бутылке всегда или кем-то чужим куплено, или подарено по случаю, или за что-то. В этот раз сгодились бутылка, которую подарили Олегу за участие в работе над дипломом. Он помогал делать какие-то расчётки и за это был подарен джентельменский набор: коробка конфет, которая была съедена сразу, банка кавы, которая была уже выпита и бутылка коньяка, которая осталась и которую я не могла утаить от Линки, совесть не позволила.

Пока жарилась картошка, Линка разобралась со всеми проигрывающими устройствами в нашем доме. Магнитофонные кассеты она не захотела, там было много джазовой музыки и Элвиса Пресли. Ей пришлись по вкусу пластинки. Пластинок у нас немного, но потанцевать хватает. Она с удовольствием послушала инструменталку Поля Мориа и взялась за наших исполнителей. Сначала она поставила сладкоголосого Ободзинского, который утверждал что «эти глаза не против», потом перешла к АББе и Модерн Токинг. Но на «ура» пошёл Антонов. Пока жарилась картошка я несколько раз прослушала «Ах белый теплоход, бегущая вода, куда же ты несешь скажи куда...», но больше всего её впечатлили «В краю магнолий плещет море, сидят мальчишки на заборе, и восхищенье в каждом взоре...» Я, между прочим, тоже очень люблю эту песню. Когда мы жили в Ленинграде, ни одна крупное сборище не проходила без этой песни. И мы, уже хорошо поддатые, носились в танце по всем свободным площадям. Особенно усердствовала я с нашим другом Петькой, который называл меня – тётей Жанной, а Олега – Дядей, хотя был моложе только на год. Это приятное воспоминание настолько сидит во мне, что я эту песню буду всегда любить.

Под картошку мы поставили Эдиту Пьеху. Коньяк пошёл легко, но надо сказать, что я плохо переношу тяжелые напитки. Пока алкоголь в действии, ещё ничего, но похмелье кошмарное. Утром невозможно было поднять голову, Линка выступала в качестве лекаря. Она сварила крепкий кофе, хотя меня мучило даже от запаха любимого напитка. Сестра милосердия просто силой заставила проглотить пару глотков и действительно полегшало. Потом я с удо-

вольствием растянулась под одеялом и неожиданно заснула. Проснулась от того, что аппетитный запах потянул из кухни. Оказывается Линка сбегала в магазин, купила молока и напекла замечательных оладий. Большая кружка чая и штук шесть оладий привели меня в чувство.

– Ну как легче? – осведомилась подруга. – Я и не думала, что ты так слаба на коньячок.

– Скажи мне разве нормальные люди выпивают стакан коньяка под картошку и салат из капусты? Вполне бы хватило 50 грамм под каву, так нет же, надо всю до дна, просто свиньи, что ты, что я.

– Может и свиньи, но здорово дали! Как мы вчера носились в танце! В «Краю магнолий» слушали наверное раз 100 пока не попадали и не позасыпали. Даже сосед приходил с низу. Мы ж с тобой носились по всей квартире. Я с ним побеседовала на родном наречии. Сказала, что у меня юбилей, что я разошлась с мужем и мне некуда идти, а ты добрая душа меня приютила, и я в знак благодарности тебя напоила.

– Ну спасибо, достойная реклама. Теперь все соседи будут знать, что у нас здесь пьяные оргии.

– А я его нейтрализовала, налила ему стопарь и разрешила погладить свое колено. Он сегодня утром мне попался, когда я шла из магазина, так спросил, может встретимся.

– А почему не предложил сразу в ЗАГС?

– Дело в том, что я ему пообещала встречу в том случае, если он мне купит квартиру, а то мне негде жить. Он так испугался, что даже не попрощался.

– А может побежал снимать деньги с книжки. Он мужик грошовитый. Работает на заправке, бензин мочей разводит.

– Неужели своей?

– Ему так много не насрать.

Потом я пошла провожать Линку на электричку. По дороге мы зацепились на тему квартиры. И вдруг Линка ни с того ни с сего мне призналась, что положила глаз на нового мужика. Я не удивилась, она довольно часто ездила в командировки. У нас до чёрта филиалов и везде работают молодые мужики то прорабами, то начальниками отделов капитального строительства. Ассортимент – широкий. Наводящие вопросы ничего не дадут, надо ждать пока она созреет. Кроме меня ей не с кем поговорить. Она наверное рассчитывала на вчерашнюю встречу, но я так быстро набралась, что мне не до разговоров стало, самое главное было прилечь.

Линка шла рядом, смотрела по сторонам, и колоться не собиралась. Кроме Дяди ей надо кого-то ещё? Боже мой, вот энергии, на АЭС. Хотя у меня тоже бывают шальные мысли завести сразу двух любовников, чтобы дурачить сразу двоих и ни к одному не привыкать и не иметь никаких серьезных намерений ни с одним, ни с другим. Если честно, то я боюсь ситуаций, которые бы угрожали семье, потому что развестись у меня никогда не мелькало даже мысли. Я слишком люблю своих детей, чтобы заставлять их привыкать к чужим дядькам. Да и Олег меня любит. Он не очень многословен, но я всегда знала и знаю, что я ему дорога. Наверное мне он не совсем дорог, иначе бы такие мысли меня не посещали. Хотя кто знает какие мысли кого посещают? В том числе и Олег не исключение. Ведь говорят, что мужчины полигамны. Вот мне же в голову лезет всякая дребедень? А может это результат просмотров порнографических журналов, которые таскают на работу наши не замужние и не женатые? Мы с Ди как-то уселись в укромном углу на работе, за лестницей, и посвятили пол-часа на знакомство с порнопродукцией, которую под большим секретом притащила Настя. Её подруга с мужем работают, как вольнонаемные, в Венгрии, и Насте перепадают подарки в виде порножурналов и разных необычных для нас мелочей. Зрелище конечно захватывающее, особенно для таких непосвященных людей как мы. Что я, что Ди мы две курицы, которые сразу или почти сразу после института повыходили замуж и для нас все утехы – это сексуальные знания наших мужей.

Хотя Ди более продвинутая чем я, потому что у неё был бурный роман с парнем на семь лет старше. Отношения длились почти пять лет. Парень был не женат, Ди была молода и хороша собой. Почему он на ней не женился сразу, а тянул пять лет, наверное, уже никто никогда не узнает.

Ди и Роман работали в одном институте. Он её приметил, когда она пришла по распределению в строительный отдел. Сам он работал расчетчиком на машине, есть такой вид деятельности в больших проектных институтах. Расчетчики составляют программы по заданиям строителей. Ди принесла задание Роману, их отдел как раз участвовал в проектировании АЭС в какой-то из зарубежных стран. А Роман занимался программным обеспечением. По рассказам Ди, я знаю, что это был почти двухметровый гигант, атлетического телосложения. Кроме того, что он окончил мехмат, т.е. далеко не дурак, так ещё и учился в аспирантуре. Он уже пятый год колупал диссертацию и никак не мог защититься. Ди с детской непосредственностью предложила свою помощь и, как ни странно, работа сдвинулась с мёртвой точки. Работа над диссертацией стала успешно продвигаться. Они проводили много времени вместе. Вполне возможно, что поначалу ничего и не было, но в институте стали шушукаться и при каждом удобном случае намекать Ди, что Роман завидная партия. И Ди обратила на него внимание с другого аспекта. Роман как более взрослый и опытный мужчина с удовольствием принял влюбленность Ди. Я думаю, что ему конечно она была не безразлична. Общие интересы, сидения после работы, совместные вылазки в горы, оба страстные поклонники Карпат, сделали их неразлучными. Роман ухаживал за Ди публично, не стесняясь, по-взрослому. Ди долго думала стоит ли отвечать на его страстные предложения и поцелуи чем-то большим. В один прекрасный зимний день, когда они накатались на лыжах, нагулялись и надышались Карпатами, крепость по имени Ди была взята. После этой поездки отношения стали ещё крепче.

Роман без стеснения приводил Ди в свой дом. Ди, хотя и из небогатой семьи, отец – преподаватель техникума, мать – медсестра, но всегда дружила с довольно обеспеченными людьми. Вот так получалось. Роман оказался тоже из семьи очень обеспеченной. Отец генерал. Мать врач, кандидат медицинских наук. Отец хоть и служил в армии, но тоже имел учёную степень. Он возглавлял инженерные войска и разъезжал по частям с инспекциями. Мать пропадала в клинике или на кафедре, кроме того у неё бывали дежурства. Огромная благоустроенная квартира на улице Пушкина была в распоряжении Романа и Ди. Как говорила Ди, сексуальные познания Романа были довольно обширными и даже её пугали, да и понятно, опыта у неё никакого. Наша Ди постепенно привыкала к мысли, что Роман её судьба и смысл жизни. Вот влюбчивая курица! Да и доверчивая. Она и не могла быть другой, потому что как-то в природе всех нормальных людей доверчивость и открытость. Но это до первой большой встряски, демонстрации коварства и мужского самоутверждения, от которого никому не легче, если по большому счету. Как ни банально звучит, но на две лошади не сядешь и на две кровати не ляжешь. Надо уметь ценить то, что имеешь и не испытывать судьбу. Роман относился к раскованным, играл остро, испытывал судьбу. Ди совершенно случайно застала его с девушкой, просто в кровати. Что может больше потрясти, чем такая ситуация? Она, ни слова ни говоря, оставила в коридоре на столике ключи и тихо ушла.

На утро она пошла к своей руководительнице и, ничего не объясняя, попросила отпуск, хотя была зима. У Ди видно было такое лицо, что её шефиня без разговоров подписала заявление. Ди уехала к подруге в Москву. Уж какая это была поездка понятно. Она ходила по морозной Москве, безынтересно разглядывала витрины, даже кое-что купила, но это все было без души. Душа была во Львове, в большой квартире на улице Пушкина. В голову лезли воспоминания, какие-то подробности из общей с Романом жизни. Вспоминались вечерние сумерки, свет торшера, большой диван в его комнате. Роман такой большой и красивый. Как это он ловко её окрутил, впрочем ей хотелось быть окруженной. Ей нравилось что её небольшое тело тонуло в его объятиях и совершенно растворялось в общем порыве. Даже непонятно как это суще-

ствовали женщины, которые не знали оргазма. Или это была потрясающая совместимость, или большая любовь, или сексуальные умения Романа, но такое ощущения счастья Ди пережила только с Романом (это она поняла позже). Отпуск кончился и надо было ехать домой.

Первое, что она услышала от мамы, когда зашла в дом, что Роман звонит каждый день и не может дождаться её приезда. Разговор с ним получился коротким и категоричным. Не унижаясь до объяснений, она попросила не звонить и положила трубку. Наутро Ди отнесла заявление о переходе в другой проектный институт. Роман продолжал звонить, разговаривал о чём-то с мамой, но к телефону Ди больше не подошла. Он узнал, где она теперь работает и попробовал встретиться после работы, но и здесь его ждало разочарование, она выходила черным ходом. Прошло много времени, прежде чем Ди пришла в себя.

Линка дальше молчала и не прерывала моих размышлений. Тема чувств у неё стоит отдельно от секса. И правильно.

Мои институтские малочисленные опыты говорили о том, что парень должен хотя бы чуть нравиться, чтобы при обниманиях получать удовольствие. Помню на каком-то из праздников в группе, после приличных возлияний, поступило предложение сыграть в бутылочку. Каждый знает эту незамысловатую игру, которая заключается в том, чтобы целовались те, на кого укажут оба конца бутылки. Не капризничать и подчиняться правилам! Мне выпал какой-то парень, не из нашей группы, а чей-то гость. Он пришёл с девушкой. Про него эта девушка трещала как о верном и замечательно преданном женихе. На самом деле это был просто похотливый замухрышка, который с удовольствием присосался своим ртом к моим губам. Жених! Никакого удовольствия!

– Жанчик, а почему ты не спрашиваешь, кто этот мужик? – спросила наконец-то Линка.

– Я просто знаю, что если ты захочешь, то сама расскажешь.

– Да, ты права, это так, сама, сама, сама... – засмеялась Линка.

Повествование началось с момента, когда Линка пошла к Викентию Борисовичу (ВБ) в гости. Она меня сорентировала кто это и что он может. Они встречались несколько раз, исключительно по делу, но я так поняла, что повод для встреч был больше надуман, чем необходим. Оказывается, что это друг Дяди. Дядя не годится в подметки, настолько ВБ элегантен, красноречив и умен. Он окончил, в свое время, юридический в университете Франка. Занимался непонятно чем. На мой вопрос: «Где он работает?» – Линка замаялась и сказала, что вроде как он адвокат. Так вот этот самый ВБ и нарушил относительный покой Линки. Конечно это был очередной возрастной кобель, у которого было всё. Линка, я подозреваю, была очередной проходной вариант. Тем более, что «девочка» на двадцать лет моложе и совершенно обалдела от его ума и элегантности. Она не могла успокоиться. Он такой обходительный, едет, куда хочет, покупает, что хочет и т. д. и т. п. Я её понимала. Действительно, у нас куда-то поехать—целая проблема.

Я вспоминаю, как в студенческие годы формировались стройотряды за кордон, сколько это было маяты, чтобы попасть в такой стройотряд. Линка, которая была наполовину полька, или там на четверть, никак не могла съездить к своим родственникам в Польшу. Постоянно какие-то препоны. А ВБ свободно ездил в Австрию и ФРГ, во Францию. Какой-то очень загадочный человек, во всяком случае с большими возможностями. Суперлятивы в адрес ВБ сыпались как из рога изобилия и меня уже начало подмывать, чтобы задать вопрос, в каких они уже отношениях, как Линка спросила:

– Как ты думаешь, Жанчик, переспать с ним или нет?

– Странно, конечно, что ты меня об этом спрашиваешь. Разве всё к этому не идет?

– Да в общем-то это не проблема, но я его как-то стесняюсь.

– А собственно чего стесняешься? Интеллекта его, что ли? Или раздевания?

Линка засмеялась своим не совсем интеллигентным смехом:

– Вроде и смешно и неуместно это стеснение, а не могу от этого отвязаться, от ощущения неудобства. Какой-то он не такой как все. Очень обходительный и деликатный.

– Может и так, я его не видела. Но с другой стороны, чего ж он тебе назначает свидания? Хочет показать коллекцию марок? Так твое смущение тогда действительно неуместно. Просто безобидный нумезмат, а ты себе вообразила бог знает что.

– Ты как всегда права, он действительно нумезмат и надо его так и воспринимать, пока он сам не проявит какие-то желания.

– Так ты что? Со своим темпераментом выдержишь? Ожидать внимания! Ой не поверю!

– Опять, чёрт возьми, права! Руки так и чешутся, когда он сидит передо мной такой правильный и красивый!

– Чешутся только руки или всё и везде?

В этот момент мы захохотали вместе. Я представила Линку, у которой чесались ладони, подошвы на ногах, шея.

– Представляешь, что бы он подумал, если бы узнал, как мы тут с тобой решаем вопрос о нарушении его неприкосновенности?

– Да наверное у него тоже такие же мысли касательно тебя.

Линка опять впала в раздумья. Во зацепил! Кто бы мог подумать, что эта сорви голова может так деликатно чувствовать. А может это любовь?

– А может это любовь? – спросила я.

– Вот тебе смешно, а я сама думаю, почему он меня так волнует?

Мне конечно смешно, но где-то понятно почему он так её волнует. Просто попался впервые в жизни образованный интеллигентный человек, который может и имел толпу женщин, но на каждую новую всё равно смотрит как на человека. Как на женщину. Ведь мы такие деликатные и телосложением, и кожей, и в движениях. Конечно есть гром-бабы, но это те, которым никогда на их веку не попался мужчина. Мужчина, который бы прикрыл пледом, когда спишь днем, или поправил воротничок на платье, или прядь волос, которая неправильно легла. Видно Линка подозревает в «нумезмате» эти ещё непроявленные качества и, поэтому он так волнует её, и без того горячую кровь.

ГЛАВА 19

Пани Ирэна лежала обложенная подушками и котами. В головах Мауриций, в ногах Гося, на груди – Баська. Они слегка пошевеливали хвостами, изредка поднимали головы и шурили глаза, но отходили от пани Ирэны только тогда, когда слышали, что хлопала дверь и приходила Ядзя, дочь пани Ирэны. Кроме Ядзи приходил сосед— пенсионер, бывший врач, пан Казимьеж. Пан Казимьеж не отгонял котов, а считал их врачевателями наравне с собой. И это было похоже на правду, потому что коты раскладывались именно в тех местах, где у пани Ирэны постоянно присутствовала тупая боль. Ядзя не очень поощряла любовь матери к котам, но что можно было сделать? Она целый день на работе, пани Ирэна предоставлена себе, а соответственно и своим котам. Мауриций нагло пощикотал хвостом под носом пани Ирэны. Она чихнула и полностью проснулась. Надо пить таблетки. Если бы не Мауриций, она бы и дальше спала, но кот исправно будил в нужное время. Пани Ирэна с трудом села на кровати и протянула руку, чтобы взять таблетки и стакан воды. Потом она опять прилягла и задумчиво, поглаживая Баську, стала вспоминать, что ей грезилось на грани сна и действительности.

Уже прошло достаточно времени с тех пор, как девочки, которые пришли погадать, вызвали Казимежа и, можно сказать, спасли её от инфаркта. Такое напряжение и стресс она пережила только дважды. Первый раз почти 20 лет тому. Тогда она немного полежала в кровати с головной болью и всё. В этот раз так просто не удалось проскочить, всё же возраст взял своё. Как так произошло, что эта молодая женщина упала в обморок? Ну сказала она, что этот пропавший мальчик, не имеет к ней отношения. Вернее даже не так. Она постаралась смягчить, то что увидела в картах, а в них было очевидно, что около этого мальчика совсем другая женщина и она как-то так и спросила, какая степень родства пропавшего и этой женщины. Женщина что-то невнятно прошептала, а пани Ирэна возьми да и скажи может это приёмный ребёнок? Видно это такой большой секрет, о котором даже думать нельзя, не то, чтобы произносить вслух. А эта женщина настолько давно не озвучивала эту тайну, что даже и не ожидала, что простая ворожея может такое узнать из карт.

А вот с мальчиком труднее, не удалось ей дальше просмотреть его путь. Только она настроилась задать ещё пару наводящих вопросов, как женщина упала в обморок. Конечно, если бы всё пошло спокойно, она бы не остановилась на картах. Она бы попробовала шар. Как раз и время по лунному календарю было подходящее. Кроме того фото мальчика на руках было, можно было бы что-то увидеть, да видать не судьба... А мальчик на фото выглядел печально. Не то чтобы не желец, а признаки сложной судьбы уже были видны. В глазах. Чувствовалось, что перед ним какой-то трудный путь и на его долю много выпадет или уже выпало. Черты хорошие правильные, т.е. задатки от природы были заложены большие, но вмешательство рока, было не остановить. Может ей удастся что-то для него сделать, если он ещё жив? Надо бы уточнить. Жаль, ох как жаль, если пропадёт.

Тут пришла Ядзя, захлопала дверями. Коты мягко попрыгали на пол и побежали на кухню смотреть не наполнила ли она их миски чем-нибудь. Миски были наполнены молоком. Ядзя погрела кастрюлями и пообещала им ещё сварить мойвы, которую она поставила размораживаться.

Потом Ядзя вошла в комнату, села около пани Ирэны и стала спрашивать, как прошёл день. А день проходил каждый раз одинаково, но Ядзе пан Казимьеж наказал разговаривать с матерью, рассказывать ей какой-то позитив, чтобы человек себя не чувствовал овощем. И Ядзя сообщила с радостью, что сегодня ей на работу звонила Лина, которая была с той женщиной, которая упала в обморок несколько недель назад. Лина спрашивала как здоровье пани Ирэны. Та женщина, её звать Лена, чувствует себя лучше, но ещё не выписалась, лежит в мед-

институте, в кардиологии. Лина передавала привет и просила ей позвонить, когда пани Ирэна совсем придёт в себя после болезни.

– Как мамуся их впечатлила своими гаданиями. Видно, что всё в точку, если звонят и справляются о здоровье.

«Да, помню эту женщину, которая Лина. Она единственная зашла и сразу сказала, что её звать Паулина или Лина и, что она тоже полька. Мы с ней даже поговорили по-польски. Я ещё помню ей сказала, что ко мне приходила женщина очень похожая на неё, даже спросила не сестра ли? Она сказала, что она всегда была одыначка, и ни брата, ни сестры у неё нет. Но я точно помнила, что я уже видела где-то эту женщину, хотя понимала, что у меня Лина впервые, было видно по всему. Вот какое-то такое чувство, просто необъяснимые чудеса...»

– Так мамуся и не вспомнила, где она видела Лину?

– Въешь, Ядзя, когда зашла та, что упала в обморок, Лена, кажется ты говорила, мне показалось, что Лина на неё похожа. А вот уже теперь я думаю, может мне привиделось или приснилось это сходство? Или это была не Лена, а какая-то другая женщина, ты же знаешь сколько их у меня перебивало. О— хо— хо...

– Я говорила мамусе, что нельзя уже тратить здоровье на эти гадания. Ведь они, эти гаданья, забирают у мамуси силы.

– Да я уже сама думаю, что пора отказывать людям. Но ты же знаешь женщин, как начнут уговаривать, упрашивать, плакать – невозможно отказать. Или придут от пани Гели или от пани Изы, ну скажи, как я могу отказать? Вот и Лена пришла по просьбе. Что было делать? Как отказать? А видишь, что из этого вышло?

– Я думаю, что мамуся здесь ни при чем. Это просто у Лены большое сердце да и горе большое. Вот всё вместе и наложилось.

– Что теперь говорить? Конечно никто не виноват, а я тем более. Я стараюсь облегчить страдания. Но не всегда получается.

Так они сидели в сумерках большой комнаты, не включая свет. Рассуждали о людях, которым не всегда удавалось облегчить жизнь. Ядзя вдруг вспомнила как дар предвидения и умение гадать открылся у пани Ирэны. Ядзя была ещё совсем маленькой, может лет шесть или немного больше, когда ещё живой отец пришел с работы и стал рассказывать о пропаже документа. Отец был бухгалтером и работал в Райпотребсоюзе. У его коллеги среди рабочего дня пропал подотчетный бланк на сумму 1000 рублей. Это было наравне с чудом – никто не уходил из комнаты никто не входил, а бланка нет. Коллега так разволновался, что только не плакал. Вот эту историю и рассказал пан Станислав, отец Ядзи и муж пани Ирэны. Когда вечером все ушли спать, пани Ирэна кинула на карты, а утром сказала пану Станиславу, что бланк найдётся. Когда пан Станислав пришел на работу, коллега был уже на месте, и всем показывал бланк, который утром он нашел на столе. В другой раз пани Ирэну посещали вещие сны. Так она предсказала, что её брат жив. Тогда ещё была бабушка и она всё время вспоминала Бронэка, который не вернулся с войны. А пани Ирэна сказала, что Бронэк жив. Через какое-то время по картам она увидела, что будет письмо от него. Все так и было. Сначала пришёл незнакомый мужчина и передал бабушке привет от Бронэка, а потом пришло письмо. Бронэк жил в Англии.

Постепенно возможности расширились и углублялись. Пани Ирэна научилась гадать на кофейной гуще. Потом в магазине «Букинист» купила книжку Папюса «О чёрной и белой магии». Сколько таких книг валялось на чердаках, в квартирах и в буках – прорва. Прочла азы гаданий и предсказаний. Пани Ирэна не заходила за грань из-за которой, как предупреждал Папюс, нет возврата. Все её познания были на делитанском уровне, но кое-что она умела.

Так незаметно пани Ирэна задремала, а Ядзя пошла варить котам мойву. Коты опять обложили пани Ирэну. Мауриций водрузился над головой, Баська прилягла на груди, Гося накрыла ноги. Ей снился этот мальчик с грустными глазами ещё маленький, а около него две женщины. Но одна живая, а вторая как-бы отражение в зеркале. «Так значит есть вторая, –

думала пани Ирэна, невидимо присутствуя при этой сцене». И вдруг живая начинает таять, а та что в зеркале выбираться из мути зеркала наружу. Живая, уже почти невидимая старается запихнуть, ту из зеркала, обратно, но силы, увы, неравные и раззолоченое отражение всё настойчивее выталкивается наружу. Пани Ирэна решает помочь немощным усилиям исчезающей женщине, но просыпается.

«Наверное потому проснулась, – подумала пани Ирэна, – что коты побежали на кухню, Ядзя сварила мойву, чувствую даже в комнате. Забрали с собой свою магию и я так и не узнала, что с этим мальчиком, у которого такие грустные глаза».

ГЛАВА 20

Ди и Соля шли в направлении улицы Леси Украинки, чтобы навестить, наконец- то, соседей Лены. Прошло уже прилично времени со дня, когда они ходили к Лене. Дни летели так стремительно, что откладывать посещение Леныных соседей стало просто неприличным. Подруга по Лениному цеху позвонила Ди и сообщила, что была у Лены после Ди и Соли. Ей уже лучше. Леся посоветовала отдать деньги соседям, у них большая семья и Лену будут посещать чаще, чем она. Ну что ж! Надо так надо. Причина была уважительная и не терпела отлагательств.

Они немного поплутали прежде чем найти улицу. Улица находилась в старом городе, недалеко от Оперного Театра. Сама по себе она, конечно, живописная. Старая мостовая, вымощенная булыжником, как говорили поляки «коцими лбами» (очень удачно, потому что действительно булыжники были небольшими и выпуклости наощупь напоминали круглую голову кота). Фасады старого города реставрировались редко и поэтому были все одинаково серыми и довольно облупившимися. Но окна и старые брамы подкрашивались жильцами и дворниками. Кроме того цветы в горшках и в ящиках на подоконниках, разноцветные занавески придавали живописность серым фасадам. Сами улицы старого города были настолько узкими, что из окон одной стороны улицы было очень хорошо видно, что делается в окнах другой стороны. Поэтому улицу скорее можно было назвать проходом между плотными рядами фасадов, чем проезжей частью. Но история и старая архитектура выглядели из каждой брамы, барельефа, фасадной скульптуры и поэтому эта часть города множество раз была увековечена плохими и хорошими художниками. Живописцы, в большинстве своем, не жили в квартирах, которые размещались за этими фасадами и воспринимали улицу как нечто потрясающее по колористике.

Жить же в таких домах было сущим наказанием. Квартиры нуждались в капитальном ремонте. Вся канализация была совершенно в жутком состоянии. Ванные расположены в кухнях, выгороженные тем, что мог достать хозяин: фанерой, плексигласом, просто целлофановыми занавесками, ставились на паркетные полы, которые повсеместно проседали и выщербливались. Что-то капитальное здесь не проходило по той простой причине, что перекрытия давно дышали на ладан. Комнаты были в основном темноватыми, да и понятно, где взяться свету, если дома противоположной стороны чуть-ли не заглядывали в окна.

В этих квартирах жили коренные львовяне, в основном простой люд. В наше время сюда переезжали те, у кого было очень проблемно с деньгами. Поэтому старую квартиру, в хорошем районе, отдавали за квартиру в этом, люмпенском, районе, плюс доплата.

Ди и Соля зашли в браму, двери которой недавно были помазаны олифой. Соля задела рукавом белой кофты свежую покраску и чертыхнулась. В подъезде, несмотря на день, и потому что с улицы, было темновато и некоторое время они продвигались почти наощупь. Наконец нога нашла первую ступеньку старой, совершенно ветхой и скрипучей лестницы. Как во всех подъездах старого города, так и в этом, воняло котами, устоявшейся пылью, жареной картошкой и каким-то старьем. Миновав забежные ступени и, обменявшись мнением на предмет того, как здесь заносить мебель и выносить покойника, они вышли на лестничную площадку второго этажа. А вот и Ленына шестая квартира. Второй этаж встретил сереньким светом, который исходил из широко открытых дверей, ведущих на балкон. Балкон опоясывал двор-колодец и на него выходили двери квартир.

– Ну что будем звонить в Леныну или сразу к соседям? – спросила Ди.

– А чёрт его знает? Есть там кто у Лены? Как-то даже неприятно, – ответила Соломия.

– Давай брякнем, – сказала Ди и позвонила.

Ответом была тишина. Они стояли и думали, а вдруг откроют, но чуда не произошло. Успокоенные и как бы тем самым получив право на поход к соседям, они вышли на балкон. Прошли по балкону, но не успели позвонить, как дверь открылась. На пороге стояла приветливая немолодая женщина и сразу, с места в карьер, спросила:

– Вы, наверное от Леси, вернее от Лены..., – и, вконец запутавшись, махнула рукой и пригласила в квартиру.

Они попали в чистенькую, но темноватую кухоньку. Небольшое окошко, явно недавно прорубленное, выходило во двор-колодец. Около окошка стоял небольшой столик, на котором дымилась чашка со свежесваренной кофеем. «Вот поэтому то она нам сразу и открыла, сидела у стола, пила кофе, – подумала Соля».

– Давайте пройдем в комнату, – сказала женщина. – У нас в кухне так тесно. Раньше было получше, но когда поставили ванную, совсем не повернуться. А что делать? Сколько можно ходить в баню. Мы решили с мужем, что лучше пусть теснота, чем ходить каждый раз за тридевять земель, чтобы помыться. Ой, да что это я! Проходите, проходите.

Комната была большущая и разгороженная стенкой на спальную часть и как- бы столовую. Ди и Соля расположились в парадной части квартиры, т.е. в двух креслах у журнального столика. Над столиком нехотя висел ковер, видно перестановка с разделением комнаты произошла недавно и ещё не всё развесили в нужных местах.

– Давайте знакомиться, – взяла инициативу в свои руки Соля. – Я – Соломия, а это – Дина. Мы с работы, как вы догадались. Принесли деньги. Собрали немного. Это с той работы, где работал Толик.

– Я – Стефа, – сказала женщина. – Мне звонила Леся и предупредила, что вы можете придти и, что вы с работы Толика. Он работал в каком-то бюро. Сразу видно, что вы не заводские.

– Так и сразу, – покетничала Соломия.

– Да, сразу. Вы такие хорошенькие, молодые, такие незамученные. Я на заводских посмотрелась. Лена всю жизнь прожила рядом, – сказала женщина, обращаясь к Соле. Было видно, что женщина как-то больше хочет говорить с ней, чем с Ди.

– Здесь немного, как говорится, чем богаты, – смутилась Соля, вынимая из сумки конверт.

– Тем и рады, – продолжила пани Стефа, с благодарным поклоном принимая деньги, – сколько есть все пойдёт Лене. Сейчас лето, есть что понести в больницу. И ягоды уже пошли и овощи молодые. Спасибо вам от Лены, она для меня как дочка, поэтому могу так сказать.

Пани Стефа расчувствованно посмотрела опять на Соломию и краем передника вытерла глаза. Нежная Ди отвела глаза в сторону, пряча наворачившуюся слезу. Чтобы подбодрить пани Стефу и скрыть неловкость, спросила:

– Я вижу у вас есть кот?

– А как вы догадались? – удивилась женщина.

– Да что-то мелькнуло под диваном.

– А я думала, что он на улице. Это Ленин, Мурзик. Он у нас старенький, но всё равно ещё ходит гулять, сибирский. Сейчас столуется у нас. Кис-кис, пошли дам тебе молочка и сварю вам кофее. Хотите кофее? – задним числом поинтересовалась пани Стефа.

– Кто ж откажется от кофее. С удовольствием! – за двоих ответила Соломия.

Пани Стефа, вышла на кухню, пропустив вперед Мурзика. Соломия взяла со столика журнал и с удовольствием стала листать. Когда дошла до моды, позвала Ди и они вдвоем углубились в изучение фасонов этого лета. Появились длинные юбки, но не очень приживаются. Украшения те же: браслеты, большие серги, короткие бусы. Волосы – удлинные стрижки, хотя, кто любит, можно и короткую носить. Сумки через плечо. Модны габеленовые, небольшие. Брюки вельветовые и из джинсовой ткани. Трикотажные облегающие, с длинными выточками

и большими воротниками кофточки. Самых разных расцветок. Все живенько, разноцветно, веселенько. Проблема достать.

– Прошу, кофе готов, – сказала хазяйка, входя с подносом. Мурзик вошел следом.

Расположившись у стола, Соломия и Ди, с удовольствием пили добротный заваренный кофе. Пани Стефа ещё раз вышла и принесла свою кружку и тарелочку с печеньем.

– Вы все время здесь живете? – спросила Соля.

– Да, я здесь выросла. Вернее здесь жила моя бабушка и я всё время проводила у неё. Потом бабушка умерла и я переехала от родителей сюда. Моя бабушка и Ленына тётя – хорошие подруги, знали ещё когда были совсем молодые. У Лены была очень хорошая тётка. Правда одинокая, поэтому охотно взяла к себе Лену. Леныны родители из поселка Краковец. Это Яворовский район. Лена приехала во Львов, хотела поступить учиться, но первый год не поступила, надо было идти на работу, она и пошла с надеждой, что завод направит. Да видать человек предполагает, а Бог располагает. Ничего не вышло из её задумок. Она как-то быстро родила Толика, мы и не видели, когда она ходила беременная. Да и не до того было. Все работали, тогда ещё не было выходных суббот. А воскресенье придет не знаешь, за что хвататься. И дети, и уборка, и стирка, своих дел по горло. Мы конечно по-соседски, если что, помогали. А так, то не очень вникали. Я имею в виду Лыныного мужа. Он вроде как жил с мамой. У Лены тоже одна комната, а тетя ещё была жива, так они и жили на два дома. Я его видела один раз, такой пристойный, по-моему русский. А потом как-то он перестал приходить, так Лена сказала, потому что разошлись.

– А как же Толик? Он что не ходил к ребёнку? – удивилась Ди.

– Так вам скажу, что ждать от москаля? Я не один такой случай знаю. Сначала прилежится, а потом даже к ребёнку не придёт. Раньше это как-то никого и не удивляло. Хотя Лена была строгих правил, а вот на тебе и на неё свалилось. Такая видно судьба.

– А что у Лены никого больше нет?

– Вообще то двоюродных много. Но когда она родила Толика, кроме родителей никого не приглашала. Никто и не приезжал. У неё ещё есть родные сестра и брат. Они где-то в России. Брат живет вроде в Томске, он окончил лесотехнический. А вот сестра даже толком и не знаю где сейчас. О ней как-то не рассказывала ни Лена, ни Геня, Ленына тетка. Так между строк можно было понять, что она тоже уехала. Как-то Геня стала что-то говорить про Зеню, это про сестру, так Лена услышала и накричала на Геню, что, мол, нечего о ней распространяться. Геня и замолчала. Помню только, что Геня с возмущением сказала, что Зенька записалась Женькой и не хочет, чтобы её называли Зеновией. В своё время она тоже переехала во Львов. Но эта здира, Зенька, умудрилась поступить и жила в общежитии торгово-экономического.

– И что ж никогда не приходила? – удивилась Ди.

– Так это и не удивительно! Она не хотела, чтобы в институте знали про бедную тётку и сестру, которая работает на заводе. «Нечем хвалиться», – как она сказала когда-то Гене.

– Да, колоритная натура, эта Зеновия – Евгения. Надо же! В каких то 18 – 19 лет так круто решала вопросы.

– В семнадцать, она моложе Лены на полтора года, в школе хорошо училась и поэтому поступила сразу. Чуть ли не с медалью окончила 11 классов. Тогда, по-моему, можно было при медали сдавать один экзамен, вот она и сдала.

– Крутая чёртовка! – опять не удержалась Соломия.

– В одной семье, а такие разные дети, – философски заметила пани Стефа.

– Да это часто. Я с сестрой тоже непохожи ни внешне, ни внутренне. Моя сестра ещё училась в школе, а уже перца родителям так давала, что мама родная! С возрастом, могу заметить, ничего не изменилось. Правда у нас разница большая и она всегда пользовалась правом младшего, – резюмировала Соломия.

– А Лена и Зеня были погодки, и мне казалось, что Лена даже моложе выглядела, чем Зенька. Хотя похожи конечно. Обе такие небольшие, щуплые, Зенька всё красила волосы, а Лена всегда была светленькая.

– А что же брат? Никогда не приезжал?

– Да кто ж его знает! Лена не рассказывала, а я не спрашивала. Помню когда-то говорила, что он и дальше в Томске. А как то, может год или больше тому, сказала, что он на очень хорошей должности и даже прислал ей деньги.

– А как же родители Лены, неужели не помогали?

– А они попали в аварию и в один день их не стало, так Лена и осталась почти одна, вернее с Толиком да с Геней. Когда тётка была жива, то вопросов не было, она сидела с ним, а Лена работала в этом вредном цеху. Таам всякие льготы и денег побольше. Она такая бережливая, никто ведь не помогал, после смерти родителей. У Гени тоже пенсия мизерная, но вместе они давали себе раду. Толик был в пятом классе, когда умерла Геня. Но и после её смерти, они как-то дружно жили и Толик продолжал хорошо учиться. Он вообще-то всегда был сообразительный, всё схватывал на лету. Чего не дослушал в школе или пропустил, как-то догонял всё равно. Сам почитает в учебнике или спросит в школе, всегда умел докопаться до сути. Школу закончил как мальчишка с тройками, но их было немного и не по основным предметам, сама видела. Я ещё помню ходила с Леной, чтобы купить ему костюм. И Лена меня пригласила с собой на выпускной. В Политех он всё сдал, только недобрал баллов. Мы думали, что его не возьмут в армию, ведь он у Лены один. Почему-то взяли, я уж не знаю причину. Но он хорошо попал, здесь недалеко, под Тернополем служил, а потом... вот такое горе.

– Ну что с ним могло произойти, как вы думаете?

– Я думаю какой-то несчастный случай, ведь бывает. А при нём не было документов, молодежь не носит документы.

– Но ведь тело не нашли.

– Да, не нашли... А может и нашли да не сообщили.

Соломия, Ди и пани Стефа впали в ступор задумчивости. Молчание нарушил Мурзик, который послушав всё о своей хозяйке решил покинуть убежище под диваном и подошёл к двери. Он положил передние лапы на двери и, потягиваясь, оглядывался, в ожидании, когда кто-нибудь откроет двери. Пани Стефа выпустила Мурзика на балкон и вернулась в комнату.

– Ну что ж, мы будем прощаться, – сказала Соломия, – пора идти, спасибо за беседу и за кофе.

– Вам тоже спасибо за внимание, за заботу и за помощь, – сказала пани Стефа и её глаза опять наполнились слезами.

Так переминаясь и прощаясь Соля и Ди ещё долго стояли в маленькой кухоньке, пока Ди решительно не взялась за ручку двери и не вышла на балкон. Стефа хотела провести до лестницы, но зазвонил телефон и она попрощалась у порога. Динка и Соля прошли по балкону, не сговариваясь выняли из сумок пудреницы, бросили взгляды в зеркальца и решительно двинулись на выход. У дверей Лены сидел Мурзик. Динка нагнулась его погладить, но он решительно скинул её руку и мяукнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.